

КИРИЛЛ НЕПЛЮЕВ

Демоны
Петербурга

Кирилл Неплюев
Демоны Петербурга

«Автор»

2023

Неплюев К.

Демоны Петербурга / К. Неплюев — «Автор», 2023

Простой человек с тяжёлой судьбой, пережив посмертный опыт, узнаёт о своём предназначении - спасти родной город от тёмных сил, став охотником на демонов в большой игре.*Данное произведение написано сразу на стыке нескольких жанров - мистика и оккультизм, нуар, готика, тёмное фэнтези, городское фэнтези.

© Неплюев К., 2023

© Автор, 2023

Кирилл Неплюев

Демоны Петербурга

От автора:

Данная книга является художественным вымыслом, все имена, события и фамилии вымышлены, автор не несёт ответственности за возможные совпадения.

Произведение изобилует отсылками к эзотерическим, религиозным и философским воззрениям народов Запада и Востока, и может показаться весьма странным для людей, не обладающих элементарной теоретической базой в данном вопросе.

Тем не менее, я старался для всех. Приятного чтения!

Я лежал на холодном асфальте внутреннего двора дома-колодца под сырым и тяжёлым питерским небом. Неприятливые и тоскливые серые стены, на которых, будто вены на старческих руках, вспучились рваные трещины, окружали меня со всех сторон вертикалями холодного камня. Под свинцовыми облаками плыло октябрьское небо, навевавшее глубокую тоску и чувство разочарования во всём, что происходило со мной со дня моего рождения и по день сегодняшний. словно метеоры, прорезающие космос, откуда-то сверху серебряными иглами стремительно падали холодные капли дождя. Город, пропахший тленом, старостью и увяданием, хранящий в своих подвалах запах смерти и боли, стал моей тюрьмой в последние годы. Он всегда был тяжёлым и неприятным, несмотря на фасады и картинки, и у меня, прожившего в нём всю сознательную жизнь, не вызывал в зрелости уже ничего кроме депрессии и желания просто лежать в анабиозе, лишь изредка прерываясь на алкоголь, чтобы забыться.

После удара прошли считанные секунды. Окружающий шум начал постепенно стихать, уступая место гулкой тишине, будто в уши затолкали вату. Руки и ноги не двигались. Тело было полностью парализовано. Падавшие на лицо капли дождя не беспокоили, а наоборот, скорее напоминали о том, что я по-прежнему что-то чувствую. Когда всё случилось – боли практически не было. Резкая вспышка тут же сменилась какой-то практически осязаемой пустотой вокруг, окутавшей меня со всех сторон, словно кокон.

Я не был жив, я не был мёртв. Очень странное, непонятное ощущение – когда не можешь ни взлететь, ни утонуть, и будто водомерка замираешь на поверхности ничего, не в состоянии двигаться. Не так себе я это представлял, когда добрую сотню раз думал о подобном сценарии в последние несколько лет. Апатия, сонливость, онемение во всех членах, и медленно накрывающая меня темнота. Пасмурное небо постепенно погружалось во мрак, будто заливаемое расплескавшейся откуда-то смоляной волной.

Когда-то давно, задавая себе вопрос – чего бы я не хотел в этой жизни (потому как ответ на вопрос чего бы я хотел был более очевиден и приземлён), я пришёл к выводу, что больше всего я бы не хотел в конце своего пути уйти разочарованным. Когда тебя спрашивают – какой была твоя жизнь, а ты в ответ в сердцах машешь рукой и отворачиваешься, пытаешься скрыть подступившие слёзы. Людям с удобной судьбой, везением во всём и тепличными условиями всегда легко рассуждать о позитивном взгляде на вещи, а также о том, что «всё зависит от тебя». Что, конечно же, не так – я пришёл к выводу, что все события в жизни были предначертаны ещё до моего рождения, и повлиять на них даже при большом желании вряд ли можно чем-то кроме своего отношения к происходящему. Может, именно это и требуется от человека в процессе его духовного и личностного созревания, но я не смог. Эти люди с лёгкими судьбами выводили простенькую философию, до смешного примитивную в своей поверхностной трактовке, и также изнывали от мелких неурядиц, фокусируясь на малозначительном и неваж-

ном как на чём-то существенном. Они не ели горя полной ложкой, и оттого не понимали, что такое – пережить действительно тяжелейшие тёмные часы личных трагедий.

Я чувствовал, что череп на затылке расколот. Чувствовал по странной прохладе, сочившейся вовнутрь откуда-то снизу. Тибетские ламы произносили слова мощного заклинания над только что умершим, чтобы пробить покойному череп и выпустить душу наружу, помогая ей уйти в эмпирию из бренного мира. Я поймал себя на мысли, что именно эта ассоциация приходит в мою разбитую об асфальт голову, из которой наверняка вытекла большая лужа крови – холодные потоки снаружи, как открытое окно, разрешают выпустить из тела то, что на протяжении моей жизни было заперто в клетке из костей. Чувства – обоняние, осязание, слух, зрение – постепенно уходили из угасающего мозга, оставляя тело наедине с последними мыслями созерцать великое таинство. Дух после освобождения от телесной оболочки, как говорят просвещённые, должен получить мимолётное провидение высшей действительности, прежде чем уйти в тонкие планы. Но то, что я чувствовал, было больше похоже на погружение в сон. Сознание работало иначе, чем за пять минут или пятнадцать лет до этого – ушло напряжение мыслей, хаос в голове, разорванные картинки и беспокоящие со стороны шумы – словом всё то, что при жизни годами пытаются отработать в себе йоги, успокаивая мозг и замедляясь. Но чего-то особенного, каких-то мистических переживаний или набившего оскомину света в конце туннеля я не видел даже близко. Странное ощущение, ни на что не похожее. Видимо, остатки разума пытаются ещё за что-то зацепиться.

Когда-то несколько лет назад у меня была ситуация, связанная с риском для жизни. Пребывая в бессознательном состоянии, я успел нацеплять большое количество разобщённых снов, и тянувшееся время показалось мне вечностью. Каково же было моё удивление, когда я узнал, что погрузился в темноту всего на несколько секунд, а вынырнул из неё из-за ощущения страшной боли в сломанной ноге. Воистину, время нелинейно и воспринимается по-разному, в зависимости от состояния сознания на текущий момент.

Интересно, как концепция души у древних египтян предполагала наличие у каждого человека или животного, помимо физического и духовного тела, ещё и сердца, эфирного духа, образа и имени. И египтяне считали, что именно человеческий двойник – не тот, что был прозван доппельгенгером значительно позднее, в эпоху европейского романтизма – а именно двойник-душа, особняком отстоящий от мироощущения мозгом внутри живого физического тела, уносил чистое и неискажённое сознание из головы с собой в посмертие. Может поэтому, думал я, я до сих пор могу что-то осознавать и понимать, причём без излишней шелухи? Странно только, почему столь отвлечённые мысли отодвинули эмоциональный негатив и трагичность последних мгновений куда-то в сторону, освободив место для бесчувственного безразличия и внимательности ума. Наверное, это произошло из-за умирания нервной системы, включая лимбическую, и разрушения мозга. Откуда я это понял? Понятия не имею. Я даже слов таких не знал пару минут назад. Информация будто сама пришла в руки.

В то же время, я решительно не понимал, какие процессы происходят сейчас в раздробленной голове и чего ожидать дальше. Когда-то давно один знающий человек поведал мне историю про верования индейцев Центральной Америки, считавших, что в момент появления человека на свет с ним рождается его тональ – энергетический двойник, в течение всей жизни неотступно следующий по пятам и имеющий тонкую связь с носителем души и физического тела. И в отличие от духа-хранителя нагвали – он не был зооморфен или териоморфен по своей сути, хотя и мог являться в образе животных и птиц, а скорее олицетворял астрального близнеца-духа, судьба которого была неразрывно связана с судьбой человека. И возможно, его сознание и моё сознание сейчас были одним целым, если предположить, что под индейской мифологией были серьёзные основания? А может, это последние нервные импульсы, подаваемые в умирающий мозг за микросекунды перед смертью? Кто знает...

Почему я так много размышлял в последний миг о душе, сознании и посмертии? Интересный вопрос, который стал венцом вопросов в моей голове. Я никогда не был материалистом. У меня было разное отношение к проявлению Бога на Земле и к Высшим силам в частности в разные периоды моей жизни. Но я всегда знал, что Он существует, Он стоит за спиной и внимательно наблюдает. Я чувствовал Его присутствие в своей жизни, хотя были периоды, особенно в последние годы, когда я был ожесточён и озлоблен, не принимая того, что со мной произошло – будто небо насмеялось надо мною и издевалось, мучило, терзало из какого-то одному ему понятного удовольствия.

Сама идея материалистов о том, что после смерти есть лишь ничем не обременённая пустота, противоречила моему наблюдательному уму, в течение жизни по крупницам собиравшему картину мира. Смерть не могла быть полным уничтожением личности даже с научной точки зрения, не говоря уже о духовной. Даже самые закоренелые материалисты – учёные-физики и астрономы – приходили к выводу о существовании сверхдоминантного разума во Вселенной, о существовании Бога. Посмертные ожидания и верования человека, безусловно, в первую очередь диктовались той средой, в которой человек родился, жил и получил воспитание, но с возрастом к ясно мыслящим приходило и чувство, заставлявшее пересмотреть свои взгляды на мир. Лишь невежественный разум и лень ума мешали материалистам понять, увидеть, прочувствовать нечто более тонкое, чем физическое окружение в разрезе «здесь и сейчас». Я был не из таких.

Но в тот вечер я шагнул вниз с крыши. Пять лет затяжной депрессии, связанной с непрекращающимися трагедиями в жизни, не вылечились ничем. Из этой ловушки в принципе вылезти практически невозможно, кто бы что ни говорил. В тот вечер мне позвонили из больницы и сообщили, что умер мой отец. Последний человек, который был со мной все эти годы и всеми силами поддерживал меня. Это он продлевал мне жизнь необходимостью заботиться о нём. Отец страдал от онкологии, причём годами лечился безуспешно. Я понимал, что это всё. Но бросить его не мог. Когда это случилось, я был дома, в своей крохотной квартирке в старом питерском доме с видом на канал Грибоедова. У меня не было сил, ни моральных, ни физических, чтобы приехать в больницу и провести с ним оставшиеся часы его жизни.

Последние дни я практически не мог прийти в себя. Ночами почти не спал. Измученный, засыпал беспокойным сном под утро, просыпался совершенно разбитым. Только удавалось что-то поесть, как тут же снова клонило в дремоту. Я ушёл с работы на длительный больничный, физически не в силах ходить на неё. Энергия была на нуле, настроение – хуже некуда. Единственным спасителем – точнее, средством для продления агонии – стал алкоголь. Этот допинг хоть как-то поднимал меня на ноги. Но у него была обратная сторона – на следующий день я чувствовал себя ещё хуже, чем в предыдущий. И чтобы совсем не съехать с катушек, пил снова и снова. В какой-то момент спать без снотворных и обезболивающих перестало получаться вовсе. Я подсел на таблетки. Голова стала мутной, я практически перестал выходить на улицу. Меня повсеместно преследовало ощущение близкого конца, но мне было наплевать. Я молил Бога, который меня не слышал, чтобы он забрал меня. Но он был нем. И я очень злился, погружаясь в болото депрессии и печали всё сильнее.

Спусковым крючком моего оскотинивания и дороги к гибели стали трагические события прошлых лет. Тогда, в день, перевернувший с ног на голову всю мою жизнь и поделивший её на «до» и «после», мы в срочном порядке повезли ребёнка в больницу. Второй остался с бабушкой и дедушкой на даче. Мы ехали по трассе в город, чтобы показать врачу нашего малыша, у которого в одночасье резко подпрыгнула температура почти до сорока. Ребёнок кричал, мы были на грани нервного срыва. И погода... гроза и дождь, почти ничего не видно. Каждый раз, вспоминая этот день, я всё сильнее и сильнее утверждался во мнении, что всё происходящее с нами – неслучайно. Дорога была практически пустой. Почему та фура шла в нашу сторону именно в этот момент? Тогда мы налетели на брошенное кем-то автомобильное

колесо на обочине. Какой-то недоумок оставил его лежать, частично положив на проезжую часть. Просто бросил и уехал. Мы налетели на него на всей скорости, машину швырнуло на встречную полосу...

Я до сих пор не могу простить себе своей невнимательности и ошибки. Многие годы после я испытывал тяжелейшее чувство вины за гибель моей жены и сына. Мне «повезло» выжить в тот день. Но я бы очень хотел тысячу раз погибнуть сам, лишь бы они были живы. Нашу машину буквально разорвало на две части. Мои родные погибли на месте. Мне переломало ногу, руку, нос, также я получил сильный тупой удар в грудную клетку, хоть рёбра и остались целы. К несчастью, я тогда быстро пришёл в себя, и крича от боли, буквально вывалился на проезжую часть из рваных лохмотьев, оставшихся от автомобиля. Я видел тот ужас, в который превратились тела моих родных, и лучше бы я тогда умер. И немногочисленные люди... они останавливались, и большинство из них просто стояли и снимали на телефон.

В больнице, когда меня выхаживали врачи, я хотел умереть. Я был погружён в такую кромешную черноту, что мне казалось, она поглотит меня в прямом смысле. В те дни я готов был покончить с собой, но, прикованный к кровати, был практически неподвижен.

Отец и мать, к счастью, были рядом. Они временно взяли моего второго ребёнка к себе. А я даже не попал на похороны своей жены и сына...

Я с трудом пережил тогда горечь утраты. Но жизнь будто всеми силами желала растоптать меня, унижить, накормить самыми страшными событиями, какими только возможно. И спустя год я лишился второго ребёнка. В день, когда это произошло, скончалась и моя мать от обширного инфаркта. Она так и не смогла перенести стресс. Я ей даже в некотором роде завидовал – меня-то природа наградила сильным сердцем. А сына моего убил какой-то выродок. Он выкрал его из двора дома, где я оставил его всего на пять минут, чтобы зайти в квартиру, и задушил через пару кварталов, когда мальчишка умудрился вырваться и начал кричать. Мразь подняла руку на восьмилетнего ребёнка, не остановившись перед самым страшным.

Его тогда долго искали. Но не нашли. Единственное, что удалось сделать – это получить качественный портрет с одной из камер наблюдения, под которую попал убийца. Я видел это лицо. Какой-то зэк-рецидивист, судя по виду. И абсолютно безумные и злобные глаза. Будто одержимый демоном – ничего человеческого ни во взгляде, ни в чертах лица. Кошмар, да и только. Я долго не мог прийти в себя тогда и начал очень серьёзно пить, чего раньше практически не делал. Я не понимал, как Бог мог допустить такое, и почему он так ненавидит меня. Почему он забрал моих близких, почему послал в мою жизнь такую череду событий. И почему сейчас он стоит в стороне и никак не проявляет себя даже в полунамёках и знаках. Тогда я начал очень сильно сомневаться.

После этой трагедии и я, и мой отец впали в отчаяние, ожесточение сердца и темнейшее уныние. И тут же о себе дала знать онкология – болезнь плохого настроения и нежелания жить. Мы продали почти всё, что у нас было, чтобы обеспечить отцу лечение. Он долго болел, долго лечился, под конец стал сильно мучиться и практически всё время находился либо во сне, либо в абсолютно мутном состоянии сознания. Его обкалывали наркотическими препаратами, из-за чего плыл мозг, и разум туманился настолько, что отец в какой-то момент стал узнавать меня в лучшем случае через раз. Я почти каждый день навещал его, когда он уже не мог жить у себя дома и переехал в хоспис.

В день, когда он погрузился в сон и больше из него не вышел, я уже не смог приехать к нему. Я был настолько морально истощён, что единственное, на что меня хватило – это напиться в одиночестве, сидя в кровати и глядя на настенные часы, мерно высчитывавшие минуты. В какой-то момент часы на стене остановились. И меньше чем через минуту телефон завибрировал на прикроватной тумбочке. Уже тогда я всё понял. В этот вечер я остался совсем один в этом поганом мире. Брошен, забыт и раздавлен, будто червь в придорожной грязи.

Я забрал с собой бутылку с остатками дешёвого бренди, сунул ноги в тапочки и, не одеваясь в верхнюю одежду, вышел на лестницу, просто захлопнув за собой дверь. Поднялся по гранитным ступеням на пятый этаж, затем – по крутой металлической лестнице на чердак. Прошёл под крышей по деревянному пыльному полу, загаженному голубями, и через окошко вылез наружу.

Было очень холодно, дождливо и ветрено. Мерзкий и унылый город, в котором серые стены, серый асфальт и серое небо – привычный пейзаж в своей естественной цветовой гамме под восемь месяцев в году – навевал чувство тоски.

Я прошёл в уже ставших мокрыми тапочках по крашеной в красно-коричневый цвет крыше, покрытой кровельным железом, и подошёл к краю. Внизу зиял чёрный квадрат внутридомового двора-колодца, и ни одной живой души на улице не наблюдалось. Лишь в окнах напротив, в основном наглухо занавешенных тяжёлыми шторами, местами горел свет.

Допив бренди прямо из горла, я швырнул бутылку вниз, а затем, сдавленный до удушения чувством разочарования во всей окружающей меня Вселенной, шагнул следом...

Лёжа на асфальте изломанной куклой и медленно умирая (а может и быстро, просто я не чувствовал времени), я поймал себя на мысли, что жизнь моя была настолько беспросветным дерьмом, что сейчас я не чувствую сожаления, что всё закончилось. Я лишь испытывал горечь от того, что так всё сложилось, и что меня терзали так долго.

В какой-то момент чувство тревожности, страха перед неизвестным, эмоциональное напряжение стали отступать, а перед глазами поплыли бессвязные картинки, не вызывавшие никаких ассоциаций или отклика. Моя амигдала – мой встроенный мучитель последних лет – отказывал в ногу с остальными отделами мозга. Эмоции стремительно отступали.

Спустя мгновение или, быть может, вечность у меня пропал слух. Я перестал слышать вообще что-либо и погрузился в абсолютную тишину. А затем начало темнеть в глазах. Практически застывшая картина пасмурного неба, оживляемая лишь едва заметными каплями, падающими почти вертикально, постепенно уходила во тьму.

Хик! Сознание сконцентрированным шаром поднимается к темечку, к Сахасраре. Или это я поднимаю его? Пхет! Всё кончено. Время возвращаться домой.

Эта смерть была осознанной. Я понял, что произошло, потому как волей-неволей пришлось подготовить своё сознание к подобному сценарию в течение последних лет моей жизни. Вероятно, тибетские ламы похвалили бы меня, белого человека из духовно полого материального европейского мира, за знание элементарных вещей, описанных в «Бардо Тодол». Но мне было абсолютно всё равно в этот момент, если честно. Я просто видел и понимал, как ломаются привычные картинки мира перед глазами. И мне было легко пережить этот опыт, в отличие от тех, кто пришёл бы сюда неподготовленным даже элементарно. Эти бы в панике метались, не понимая, почему они ничего не чувствуют, не могут прикоснуться к предметам и их голоса не слышат окружающие. В «Книге мёртвых» такие переходы называются «Чикай Бардо» – когда неосознанный человек попадает в междумирье в полузабытье, его накрывает страх и чувство жалости к себе. А после – начинаются страшные видения, исходящие от бессознательной части его собственного «я». В общем, участь этих душ незавидна.

Очень странное ощущение – когда полностью уходит боль и приходит спокойное безразличие. Кажется, я никогда ранее – по крайней мере, при жизни – не испытывал подобного. У меня каждый день что-то болело, меня постоянно что-то беспокоило, откуда-то извне накатывало чувство тревожности. Даже в юные годы, не говоря уже о кошмаре последних лет. Сейчас я погрузился в нечто мне доселе незнакомое.

Многие мистики, пережившие опыт выхода души из тела, утверждали, что после смерти сознание уходит вверх, в монаду, и поскольку более нет блоков в плотном пространстве физического восприятия, человеку открывается уникальный инструмент познания окружающего

мира и познания себя – доступ к неограниченной информации Вселенной. Поговаривают, что человек начинает чувствовать, знать и понимать вообще всё – что было с ним, что будет, что происходит вокруг. Ведь в более высоких мерностях пространства работают несколько иные законы. Там нет ни расстояния, ни массы, ни системы координат, ни времени. Вселенная напоминает яйцо, не имеющее длины, ширины и высоты и сжатое в одну точку, бесконечно огромное и бесконечно малое одновременно. И потому временная шкала не играет роли, и душа может как заглянуть назад, так и вперёд, выражаясь соответственно человеческой мерности сознания. Это, кстати, лишней раз говорит о том, что события жизни предопределены. По крайней мере, я сделал для себя подобный вывод в первые доли секунды в процессе перехода. Впрочем, об отсутствии времени в тонких слоях говорят не только современники, прошедшие через трансцендентный опыт. В заключительной книге Библии – «Откровениях» Иоанна Богослова, ангел Господень также уверяет, что в посмертном мире времени нет и не будет.

Тем не менее, доступа к информации об устройстве мироздания я не получил, хотя мысли ускорились и ответы на некоторые вопросы начали приходить очень быстро. По причине, мне неведомой, моё сознание так и осталось практически заблокированным в рамках человеческого восприятия. Что же получается, думал я, мистики и духовные учителя вралли? Или как всегда это только у меня всё не слава Богу? Мне кажется это крайне странным и неприятным. Обманутые ожидания всегда неприятны, чего уж там...

Когда всё было кончено, и я испытал невыразимую лёгкость, перед глазами начали плыть разноцветные сферы – все цвета радуги, от красного до фиолетового. Я так и не понял – это те самые буддистские цвета посмертных миров, которые должен выбрать человек для перерождения, или стремительные метаморфозы моего сознания. Но калейдоскоп быстро развалился на осколки, и окружающие меня картинки стали одновременно рушиться куда-то вниз, как разбитое зеркало.

А затем я начал стремительно подниматься вверх, в чёрное небо, наполненное тысячами звёзд. Внизу уже не было привычного города, не было видно планеты, солнца. Только надо мною – огромное светящееся нечто, на которое было невозможно и больно смотреть. А вокруг – звёзды и чернота. В миг, когда я понял, что направляюсь к Творцу, я почувствовал, как всё вокруг быстро и мелко вибрирует. Меня будто прошёл разряд электричества, а из глаз словно брызнули слёзы. Я не нуждался в воздухе, но при этом не мог дышать, настолько перехватывало горло – точнее, то, что было на его месте в фантомном образе. Это не были слёзы боли и страдания, наоборот – всё кричало об избавлении, и будто душа моя ликовала, что ей удалось наконец вернуться домой. Подобные ощущения, только во стократ более слабые, я испытывал в миг сонастройки во время молитвы в церкви. Полагаю, каждый прихожанин храма, искренне верующий, а не пришедший соблюсти ритуал, переживал нечто подобное. Хотя, также предположу, что даже экстатические проявления в молитве во время метаноии не сравнятся с тем, что я испытывал, проходя через миражи разваливающихся на части материальных миров. Блаженство в апогее.

Я плакал. Моя израненная, покалеченная душа плакала навзрыд от пережитого и от избавления. Меня трясло так, что казалось, будто всё окружающее пространство резонирует. И это были слёзы радости и горя одновременно. Радости – от окончания скорбного пути, горя – от перенесённых мук и печалей. Очень странное ощущение, практически непередаваемое примитивным человеческим языком. Интересно, постигшие нирвану монахи испытывают нечто похожее? Если да, то тогда понятно, почему они оставляют своё тело и никто, по крайней мере, как мне известно, в него назад больше не возвращался.

В какой-то момент я думал, что слившись с Абсолютом, который поглотит мою искру в бушующем океане Света, я вольюсь в него и перестану существовать как отдельная личность, обогатив познающего самого себя Творца полученным и пережитым мною опытом. Но будет это второй конец, на этот раз уже моего сознания, или только начало нового пути – меня в тот

момент совершенно не заботило. Да и неважно это было, в общем-то. Я уже не держался ни за что, а взглянуть на самого себя, который был бы уже не мною, а чем-то бóльшим, мне не удалось – все мои знания и память о прошлом или грядущем опыте были для меня закрыты.

Меня заливало ярким, невыразимо белым светом, я даже попытался зажмурить глаза, которых у меня не было – просто по привычке. Настолько невыносимо было на это смотреть. А потом... всё кончилось. Все картинки будто рухнули в одну секунду, и я оказался один в крошечной черноте, совершенно не понимая, есть ли здесь верх и низ, замер ли я на месте или двигаюсь со скоростью света в каком-либо направлении. Чернота, глушь, и ничего более. Полагаю, именно подобный ужас переживают слепоглухие люди каждый день, каждую минуту своей жизни. Полный вакуум и ничего более. И непонимание, что же будет дальше. В этот момент мне стало по-настоящему страшно. И это был не физический страх, а гораздо более глубокий, труднообъяснимый. Я невольно закричал, но не услышал своего голоса. Вязкая и липкая смола окружающего пространства будто проникала в самую Суть. Мне казалось, что сейчас она окутает меня невидимым коконом и похоронит в этой мгле навеки. Меня накрыла волна отчаяния, что я уже не смогу отсюда выбраться и буду заживо похоронен в безвременье, потому как сознание по-прежнему оставалось со мной. Лишённый зрения, слуха, хоть каких-то ориентиров в пространстве, я оказался словно муха в паутине, оплётённая липкой нитью со всех сторон, таково было чувство безысходности и экзистенциального ужаса от происходящего. В этот момент мне показалось, что именно так должен выглядеть ад. Не библейский, написанный в дремучие времена для совершенно тёмных и необразованных землепашцев в наиболее понятной и доступной форме для объяснения. А иной – понятный только тогда, когда ты оказываешься в нём сам. В этот момент я больше всего на свете боялся, что зависну в таком состоянии посреди ничего и нигде на целую вечность, наедине с самим собой и глухой и чёрной пустотой вокруг.

Чувство всепоглощающей любви и восторга резко сменилось ужасом, и самым страшным было осознание, что ни в одной из множества прочитанных книг – автобиографических или религиозных – не было описано этого состояния и того, что будет дальше. Мне было настолько страшно, что в этот момент я уже искренне надеялся, что все пережитые видения – это галлюцинации, вызванные рядом нейробиологических эффектов в мозгу, включая недостаток кислорода. И что в какой-то момент я проснусь живой и на больничной койке. После пережитого необъяснимого, идущего откуда-то из глубины ужаса, я бы точно не стал думать о том, чтобы шагнуть с крыши второй раз – по крайней мере, сейчас я был в этом уверен. Равно как начал понимать наставления духовных учителей о том, что не нужно желать чего-либо слишком сильно, потому как никогда не знаешь, что за этим стоит и каковы будут последствия. Моей главной надеждой в эту секунду было то, что любящие и всепрощающие Высшие силы всё же бросили меня в эту ловушку – в черноту, где нет света (суть нет присутствия Бога), чтобы показать истину в сравнении. И за мои желания, и за моё уныние, и за мои прегрешения. И что они не оставят меня здесь до скончания времён мучиться в одиночестве в невидимой клетке. Тогда уж лучше хлипкая оградка, дешёвый камень и недолгая память, растворённая пустотой небытия, чем это.

Я открывал рот, пытаюсь что-то сказать, и не слышал звуков. Я смотрел вокруг и вперёд, пытаюсь уловить хотя бы полу-оттенок где-то вдалеке, посреди абсолютной черноты, и ничего не видел. Не слышал родных голосов, не слышал звуков пространства. Даже привычного в абсолютной тишине гула не было – потому как не было давления крови в голове.

– Почему здесь так темно? – крикнул я в пустоту. Не отсутствующим в моём энергетическом теле ртом, разумеется. Послал чёткую, громкую, оформленную мысль в угольную черноту, окружавшую меня со всех сторон. Мысль, больше похожую на вопль отчаяния.

– А куда ушёл тот свет, который ты нёс в себе? – раздался в голове мягкий бархатистый голос, и я вздрогнул. Меня будто подбросило вверх, если это применимо к окружающему ваку-

уму пространства, настолько ответ был неожиданным. Я пытался кричать и плакать, но внутри была точно такая же пустота, будто вязкий смолистый кисель проникал всё глубже и глубже в самую Суть. Оглядевшись, как мне казалось, по горизонтали и вертикали, я увидел всё такое же прежнее ничто без намёка на присутствие живого разума.

Я был удивлён и поражён до глубины души, потому как меньше всего ожидал здесь увидеть или услышать кого-то, кто, к тому же, откликнется на мой зов. И я по-прежнему не понимал, что за сущность отвечала мне.

– Кто здесь? Покажись, прошу! – Точно так же возопил я, постоянно озираясь во мраке и совершенно не видя ни намёка на что-либо кроме заполнившей Вселенную черноты.

– Не так ты представлял конец Пути, верно? – Спросил меня голос, обретший в мгновение женские оттенки и какую-то насмешливость – впрочем, не злую.

Я ничего не ответил, озираясь и вслушиваясь в посторонние звуки и пытаясь понять, что происходит. Незримый собеседник молчал, выжидая.

– Покажись! Кто ты? – попросил я снова, и тьма передо мною задрожала и начала плавно принимать очертания силуэта. Сначала появилось пятно графитового цвета, выделявшееся на фоне крошечной черноты вокруг, затем оно стало обретать форму и светлеть. Я смотрел на эти метаморфозы пространства, замороженный. Удивление и любопытство начали отодвигать страх куда-то в сторону. Фигура стала проявляться всё чётче, и в какой-то момент я увидел перед собой лик женщины, облачённой в просторные воздушные наряды. Мой таинственный собеседник делался всё светлее, а образ приобретал большее количество ранее невидимых деталей. В какой-то момент наряды сделались белоснежными, и создалось впечатление, что мой визави – будто звезда Сириус в ночном небе, яркое белое пятно посреди темноты. Stella Maris для заплывавшего в сердце моря средневекового моряка, звезда Исиды.

Светлый образ сформировался до мельчайших деталей, и я смог разглядеть лик женщины абсолютно неясного возраста, исполненный идеальных черт и пропорций, и при этом абсолютно не запоминающийся. Было в этом лице и этом наряде что-то библейское, будто бы женщина сошла с икон поздней школы иконописи. Приближаясь ко мне, будто паря в воздухе, она подняла наконец взор и взглянула мне в глаза. Цепкий, внимательный, удивительно умный взгляд, полный печали и радости одновременно. Трудно это описать. Такой взгляд обычно бывает у людей предельно глубоких в своём познании, и переживших притом разнообразный, богатейший и зачастую не самый приятный опыт. «Во многой мудрости много печали, и кто умножает знания, умножает скорбь» – так описаны слова царя Соломона в книге Екклесиаста. Именно эта фраза наиболее точно охарактеризовала бы её взгляд. Я лишний раз убедился в тот момент в известной мне истине, что глаза – зеркало души: вроде бы просто роговица, радужка, зрачок – а сколько всего они могут рассказать о человеке, о пережитом им опыте.

Мой таинственный спутник в этом неизвестном и непонятном мне пространстве остановился напротив меня и внимательно оглядел мой дымчатый образ с ног до головы, как если бы у меня были ноги и голова.

– Здравствуй, Душа, – раздался где-то внутри меня мягкий и бархатистый голос. Ласковый, любящий и успокаивающий.

– Кто ты? И где я? – Вместо приветствия послал я мысль в ответ. Как дрожал бы мой голос от волнения, так моя мысль, исходя наружу, вибрировала в тревоге. Кажется, моя собеседница уловила всё до мельчайших деталей. Я интуитивно чувствовал, что это так.

– Ты в Лимбе. В Бездне, – спокойно ответила она и замолчала в ожидании.

Ответ меня не сказать, чтобы поразил. В этот момент я лихорадочно вспоминал, что знаю о Лимбе, что это, и какова может быть моя дальнейшая судьба. Из дальних закоулков памяти всплывали мои достаточно слабые познания о христианском и исламском богословии. Я знал лишь, что согласно верованиям христиан, Лимб – это место вне Рая, Чистилища и Ада, где пребывают души, не определённые куда-либо. Или те, кто пришёл в посмертный мир до явле-

ния Иисуса Христа. Хотя Данте в своей «Божественной комедии» называл его первым кругом Ада, но не думаю, что в моём случае это было так. Однако насколько истинными были средневековые теории христианства? Впрочем, в исламской эсхатологии тоже был свой термин, обозначавший Бездну, в которой находились души, уравновешенные и хорошими, и плохими делами, и ожидавшие суда. И называлось это пространство Арафом. Если то, где я находился в данный момент, билось с представлениями авраамических религий, то дела мои были и плохи, и хороши одновременно. С одной стороны, я мог застряť здесь на очень долгий срок в ожидании, и томиться посреди пустоты до проявления милости Творца, но с другой – рано или поздно это должно закончиться. Больше всего я опасался утонуть в Бездне навеки. И даже несмотря на то, что я до сих пор не осознал всей полноты этого кошмара, потому как никогда не был вечности причастен, ограничиваясь обрывками воспоминаний лишь в исчислимой годами земной жизни, я испытывал какой-то мистический ужас. Бывает такое, что не можешь чего-то объяснить, но чувствуешь страх на каком-то глубинном уровне. Страх, порождённый не сознанием, а чем-то более глубинным, принесённым за миллионы лет и из тысяч миров от точки сборки до текущего момента существования.

Я попытался успокоиться, вслушаться в себя, собрать мысли воедино. Фигура таинственной собеседницы всё так же стояла передо мною, окутанная серебристой дымкой, свет которой упорно пытался прорезать пространство непрерывным мерцанием, но у него это не получалось.

– Долго мне здесь находиться? – спросил я в надежде на хоть какую-то определённость.

– Долго? А что ты считаешь долгим в пространстве, где нет времени? – Ответил образ, – и почему тебя это так тревожит? Ты сам понял это?

– Я боюсь застряť здесь навеки один, – ответил я.

– Ты боишься находиться с самим собой? – Насмешливо спросила она. – Интересно, как люди мечтают о вечной жизни и веками ищут чудодейственный эликсир или рецепт молодости, но при этом не знают, чем занять себя в одиночестве, даже оставшись ненадолго наедине со своими мыслями.

– Скажи, кто ты, и в чём смысл всего этого, – взмолился я, надеясь, наконец, получить внятный ответ хотя бы на главные свои вопросы. Возможно, это некоторым образом проявило бы мою дальнейшую судьбу.

– Меня зовут Мария, – женщина в светлом вежливо кивнула головой и затем тепло улыбнулась, глядя мне в несуществующие глаза.

– Должно быть, ты воплощение Девы Марии, и явилась ко мне в последние мгновения моей жизни? – Догадался я.

– Ты про Вселенскую мать? Богородица Дева Мария, Аллат, Шакти, Сейба, Анаит... тысяча имен ей, как вы её только не называли, – собеседница рассмеялась, – нет, навряд ли она спустилась бы к тебе и стала с тобой разговаривать.

– А тогда кто же? И какова цель твоего визита? – Я искренне недоумевал, что могло понадобиться этой сущности от меня.

– Я буду твоим проводником в исполнении твоего предназначения. Или не-исполнении, это уже зависит от тебя.

– Какое такое предназначение я должен исполнить? И как, если я физически мёртв?

– Сейчас у тебя есть выбор. Ты можешь остаться здесь и ожидать распределения, а можешь вернуться в физический мир и сделать то, что от тебя требуется.

– Неужели? У нас есть выбор? – скептически хмыкнул я, абсолютно уверенный и уже убедившийся в том, что судьба прописана ещё до нашего рождения, на собственной шкуре.

– Есть. Объясняясь доступным языком – пятьдесят на пятьдесят. Что-то ты обязан пройти, что-то исполнится проявлением твоей воли. Сейчас ты на сценарной развилке, если хочешь. И тебе даётся выбор – идёшь дальше, или заканчиваешь этот жизненный путь, полностью высвобождая сознание и ждёшь уже как душа, что будет дальше.

– Это иллюзия выбора. Ты же прекрасно понимаешь, что никто не захочет сидеть в Бездне в крошечной тьме, и ждать чего-то неопределённого.

– Понимаю. Но такой вариант тоже есть. Вопрос лишь в том, что тебе выбор делать всё равно придётся. Иначе твоё дальнейшее существование станет бессмысленным, и тебя отправят на развоплощение. В переработку, проще говоря, – терпеливо объясняла Мария, глядя на меня.

Меня подобная перспектива не особенно радовала. Будучи по натуре мистиком и погружаясь в течение своей жизни в различные эзотерические, религиозные и философские учения, я уже имел некоторое представление о человеческой душе, которая уникальна по своей сути и приходит в этот мир с определённой программой, которую необходимо выполнить в процессе развития в каждом или почти каждом из её воплощений. Я и знал, и понимал умом, и чувствовал на уровне подсознания, и почерпнул много информации из трудов духовных учителей, что мы живём в этом мире десятки, сотни, иной раз тысячи жизней, прежде чем поднимемся на ступень выше и начнём проходить уроки там, карабкаясь на самый верх с главной целью – найти дорогу домой и обогатить Абсолют бесценным и неповторимым опытом. Однако насколько точны в определениях были духовные практики – каждый со своим опытом и видением? Я интересовался этой темой настолько, насколько это было возможно в части доступа к общеизвестной информации. Потому знания были по большей части обрывочны и требовали проверки. Тем не менее, выбор, поставленный предо мною в ультимативной форме, несколько не вписывался в концепцию моего личного мировосприятия. Впрочем, вариантов было немного. Всего один, если точнее. Потому как сидеть в Бездне я не желал совершенно. Очень страшила меня перспектива застрять в междумирье, не знаю почему. Видимо, какие-то знания или воспоминания моей души кричали мне об этом.

– Хорошо, – сказал я, наконец, после долгой паузы, – ввиду откровенно неважных перспектив, я всё же хотел бы вернуться отсюда и выполнить то, что должен. Но как вы восстановите мой разбитый череп? И что, в конце концов, я должен буду сделать? И почему именно я? Других не нашлось, что ли?

– По поводу своего черепа не беспокойся. В физическом мире работает ряд инструментов... в том числе сжатия времени, так что это не очень большая проблема. Что ты должен будешь сделать – я скажу тебе. А почему именно ты... – Мария на миг замолчала, будто подбирая слова, – ты очень масштабная душа. Скорее, даже Суть. И ты проходишь масштабные уроки и имеешь глобальное предназначение. Это свойственно таким, как ты. Душа твоя чрезвычайно редка, в силу ряда причин. Поэтому и спрос с тебя немалый.

– А почему тогда, если у меня такая масштабная душа, мне устроили такую поганую, полную трагедий и боли жизнь? Почему забрали моих детей? Что, вы не понимали, что каждая такая трагедия ожесточает моё сердце и всё больше и больше укрепляет неверие в справедливость, в Бога? Подрывает доверие к пространству? Да будьте вы прокляты со своими предназначениями и тонкими планами! – В сердцах крикнул я, не справляясь с накатившей болью и волнением. Мне была совершенно непонятна такая вопиющая несправедливость. Жестокий и злой Бог растоптал меня и озлобил. Почему я должен теперь проявлять усердие на пути, который даже не выбирал? Меня будто начало трясти от горечи и злости.

– Та чередой событий, – вздохнув, отвечала Мария, – которая с тобой произошла – была выбрана тобой самим. Твоей душой, перед твоим рождением. Эти уроки ты должен был пройти. Поскольку ты не слышишь свою душу, которая упорно пытается до тебя достучаться, то и замысел Бога ты не можешь распознать, сколько ни старайся.

– Замысел Бога? Убить ни в чём не повинных детей – вот его замысел? – зло спросил я. Кажется, будь у меня возможность, я бы порвал её зубами на части. И всех остальных, кто попался бы мне на моём пути. Я буквально ненавидел окружающий мир и то, что зовётся Богом – злое, жестокое и безжалостное существо, уничтожившее во мне остатки добра и веры.

– Ты сейчас мыслишь как человек, – печально сказала Мария, – и я понимаю, что ты прошёл как человек. Но смотри: твоя жена была фантомом и она выполнила свою программу. В сценарном плане ей не было нужды оставаться здесь.

– Фантомом? – переспросил я, не понимая, куда клонит моя собеседница.

– Всё верно. В мире не так уж много душ, в общем и целом. Даже в тех странах, где их много, обычно количество не доходит и до половины. Многие пришли не только с Земли в свои воплощения, но и из различных структур Космоса. И зачастую души находятся на очень разных ступенях развития и познания. Поэтому, чтобы склеить сценарий их взаимодействия в этом мире, что крайне сложно, в материальные слои были введены фантомы – то есть люди, обладающие сознанием, но не имеющие души. Такие люди выполняют программу, помогают душам обучаться, являются проводниками в сценариях, да и просто обслуживают этот мир. Ты научишься определять их чуть позже. Фантомы живут одну жизнь. А умирая – просто возвращают опыт и наработки Абсолюта, без возможности последующих воплощений. Это полые, по сути. Без фантомов свести души сценарно будет практически невозможно. Её душа была одним из таких.

– А дети? Они в чём виноваты? – тихо спросил я, пытаюсь подавить неприятные вибрации внутри. Меня трясло от горя и отчаяния, и я бы предпочёл окончательно умереть прямо сейчас, если бы мне дали такой выбор.

– Младший ребёнок – это душа, заказавшая себе такой опыт. Она хотела пройти через смерть в юном возрасте. Все люди со зрелыми или старыми душами проходили и через убийства, и гибель, и самоубийства, рабство, насилие во всех видах, болезни и уродства, богатство и бедность, и так далее. Это опыт для становления души. Он необходим. Со старшим несколько сложнее. В своём развитии он нахватал ряд всевозможных комплексов и психологических травм. Людей без психотравм просто не бывает в природе, это нормально. Но в его случае – учитывая, что человек имеет свободу воли, пусть и даже наполовину – он уже начал расти и взрослеть по негативному сценарию. Лет через десять он бы сел на наркотики и угодил в тюрьму. И пошёл бы по наклонной вниз. Его душа начала бы деградировать, и чтобы её спасти, его вывели из игры, сохранив то светлое и доброе, что в нём было. В этом проявлено великое добро и милость Абсолюта. Он спас твоего сына, не дав ему упасть.

Я молчал, не зная, что сказать. Мария была логична и объясняла мне те вещи, до которых я не мог додуматься сам своим ограниченным сознанием. Это несколько не умаляло той трагедии, что я пережил. Но в подобном разрезе картина начала восприниматься несколько иначе. Как человек, я думал: неужели, родители умирающего на больничной койке ребёнка должны петь хвалу Господу за это? И как можно быть благодарным Вселенной, когда твой ребёнок родился инвалидом и мучается в течение всей жизни? Это просто невозможно! Но если подумать с другой точки зрения – не с человеческой, а более... ёмкой, глобальной, мудрой? С точки зрения души, то многое становится ясно. И зачем эти уроки, и зачем это искупление. Убивавший будет убит в следующей жизни. Деспот попадёт в рабство. Погрузившийся в негатив – притянет убийцу или обстоятельства, чтобы спасти свою душу. Очень сложно и при этом очень логично. Вопрос лишь в том, какое из противоречий перевесит, пересилит. И хватит ли мудрости для осознания подобных вещей? Мне явно не хватало. Я не готов был принять то, что мне подавалось, хотя умом и понимал, что в сказанном есть Истина.

– Скажи, – тихо прошептал я, совершенно опустошённый, – почему у меня так всё не просто?

– Просто – где ангелов со сто, – парировала Мария цитатой старца Амвросия Оптинского, – а ты душа зрелая, опытная, и идти тебе через тернии. Только веры в тебе нет.

– Веры нет, – согласился я, – неудивительно после пережитого, правда?

– Конечно. В этом главная сложность и главный урок – сохранить любовь и свет в душе, несмотря ни на что. Вспомни Иова Многострадального. По попущению Бога Сатана наслал на него болезни и бедствия, но Иов не отрёкся...

– Это ужаснейшая и жестокая история.

– В библейском изложении и переводе с языка на язык – да. Но глубинная суть не в этом. Смотри шире. Если Коран был написан простыми словами для малообразованных простолюдинов, то сложная в сравнении с ним Библия – она для либо совершенно необразованных людей, которые всё толкуют буквально, либо для сверх образованных, которые видят двойное дно и глубинную мудрость, вложенную в текст. Ты сможешь увидеть суть, если взгляд твой будет не замутнён. Но пока ты не готов.

– Что будет дальше? – так же тихо спросил я, – ты же видишь будущее?

– Нет, – Мария покачала головой, – я не вижу его. В этом и суть. Я выступаю твоим проводником в игре, в которой есть вариативность. Потому как эта игра глобальна. Мелкие события можно просчитать. Здесь финал непонятен и неизвестен. Никто не знает, чем кончится этот сценарий.

– Ты про моё предназначение сейчас? – я силеня понять, о чём она говорит.

– Да, именно про него. Сейчас ты делаешь выбор, а дальше всё будет зависеть от тебя. Этот сценарий слишком глобален, потому как в нём замешаны силы, которые уравнивают друг друга. Потому и непредсказуем итог.

Мария меня заинтриговала, хотя возбуждения и радости я не испытывал – не в том состоянии я сейчас находился, чтобы интересоваться чем-то вовне кокона из моих мыслей и ощущений. Однако ввиду того, что я оказываюсь замешан в чём-то глобальном, я не мог всё пустить на самотёк. Мне требовались пояснения.

– Тогда как ты будешь моим проводником, и зачем мне нужна твоя поддержка, если ты не владеешь информацией?

– Я владею чувствованием, – терпеливо пояснила она, – а также знанием законов, видением тонких планов и рядом других аспектов. Но ты можешь попробовать сам, в этом твоя свобода воли. Только будет значительно труднее.

– А что делать-то? Объясни, – попросил я, до конца не понимая, что от меня требуется.

– Я объясню тебе. Зови меня, когда потребуется помощь. А сейчас, раз уж ты сделал выбор... Возвращаемся назад.

Я не успел ни возразить, ни даже подумать о чём-либо, как пространство начало сжиматься вокруг меня в шар. Перед глазами поплыли пятна. Всё вокруг завибрировало, я почувствовал жжение, сменяющееся ледяным колючим холодом, и наоборот. Странное, ни на что не похожее чувство – будто пространство начинает плясать вокруг, засасывая моё сознание в себя, вытягивая его из окружающего мира. Так, вероятно, и происходит во Вселенной – когда объекты, попадающие в гравитационное притяжение чёрной дыры, сжимаются без возможности вынырнуть обратно. Моё состояние нигредо, в котором я пребывал до сего момента, начало сменяться наблюдением за миром вовне, настолько сильно я был погружён в происходящее в эти мгновения. Мой Дух, как мне казалось, в этот период претерпевал не только связанные с внешним воздействием метаморфозы, но и состояние цитринитас – забытой стадии Великого делания, если опираться на воззрения алхимиков XV века. Я испытывал «пожелтение лунного сознания», в час или миг, когда мой разум, раскрытый извне волею высших сил, начал трансформироваться под воздействием полученных сакральных знаний. Картина странная, картина необычная и вводящая в мысленный хаос в голове, когда вопросов появляется больше, чем ответов.

Пространство будто пело рядом со мной. Это не была музыка сфер – скорее, тонкие звуки, которые издавал бы вибрировавший одновременно на разных частотах воздух, если бы его колебания можно было воспроизвести в понятном для человеческого слуха виде. Чернота,

разлившаяся морем раскалённого вара вокруг меня, словно бурлила и пенилась, а мой взор удалялся в глубину сознания, сжимавшегося в ядро. В этот момент я подумал, что Божественный разум именно так и породил окружающую нас Вселенную, когда его сознание оказалось сконцентрировано в точку космологической сингулярности, прежде чем раскрыться в своей огромной и необузданной силе наружу, словно бутон лотоса. Тогда и теория «Большого взрыва» мне показалась объяснимой и логически выверенной – потому как в данный момент я переживал нечто подобное. Я испытывал что-то похожее на диссипацию исходящей из меня энергии – переход неупорядоченных процессов в теплоту, настолько раскалилось моё энергетическое тело. В какой-то момент меня обуяло беспокойство, хотя я и понимал, что нахожусь вне физического тела и беспокоиться, по большому счёту, не о чем.

Расплескавшаяся вокруг меня непроглядная чернота внезапно стала оживать и светлеть. Будто мазутное пятно, растекавшийся в стороны воздух сначала стал приобретать различные оттенки – обсидиановый, графитовый, ониксовый, а затем к ним добавились полутона и оттенки зелёного, коричневого, бордового, и спустя считанные мгновения чернота прояснилась, словно рассеялась плотность цвета в воздухе. Я с удивлением обнаружил, что за пределами того пространства, где я находился, в относительной близости от меня по контуру круга, словно очерченного невидимой рукой, желтеют какие-то огоньки. Приглядевшись, я изумился: на меня взирали десятки пар глаз неизвестных мне и очевидно очень враждебных существ, которые немигающим взором смотрели за тем, что я буду делать. Судя по всему, какие-то сущности внешнего контура Лимба пришли сюда, притянутые волнами моего страха или вибрациями мыслительных процессов – я мог только догадываться, почему эти твари среагировали на моё появление и сгрудились вокруг, будто только и ожидая, пока упадёт невидимая стена или им будет дана команда «фас!». Я не мог разглядеть их силуэты и контуры – лишь злобные и жёлтые глаза голодных сущностей междумирья. Может быть, те самые бесы, о которых немало написано в священных писаниях и житиях наиболее ярких просветлённых деятелей христианства и ислама, должны были выглядеть именно так?

Спустя мгновение я почувствовал, что окончательно сжимаюсь в ядро, внутри которого кипит готовая вырваться наружу раскалённая лава. Давление всё увеличивалось, меня сворачивало, будто бумажный лист, вдвое, вчетверо, ввосьмеро, и так далее. Пространство вокруг и внутри превратилось в изолированный микрокосмос. Я закричал от страха, и в ту же секунду вновь погрузился во мрак. Не тот, который окружал меня в Лимбе, а во мрак сознания.

Процесс, захвативший мой разум и все мои силы, продлился неопределённое количество времени, как я понял позднее. Но когда я резко вынырнул из мрака небытия, я подумал, что всё случилось за считанные миллисекунды – будто кто-то невидимый выключил и тут же включил свет в моей голове. Первое, что я почувствовал – это сильнейший поток ледяного воздуха, проникшего в мои раскалённые лёгкие извне. Некомфортное, будто давно забытое ощущение. А за резким вздохом пришла жуткая головная боль, а также – панический ужас задохнуться, какой бывает у погружённого в воду человека, который почувствовал, что запас для дыхания на исходе. Видимо, обеспокоенный мозг, решивший что он находится при смерти, начал рассылать панические сигналы по всему телу. Я выпучил глаза, пробуя вскочить, и все мои мышцы напряглись от ног и до шеи. Но сил встать у меня не было. Только боль в голове. Сперва резкая, затем неприятная и тянущая. Я начал быстро дышать, из-за чего накатила тошнота, а в глазах поплыли тёмные пятна. В этот момент я даже близко не понимал, где нахожусь, и что происходит. И вообще – жив ли я.

Попробовал пошевелить рукой. На удивление – она поддалась. Я физически ощущал присутствие конечностей, которые не только болели, но ещё и немели, как после анестезии. Тем не менее, мне удалось приподнять кисть руки и сжать пальцы. Движение мышц отозвалось жжением и болью. Это хорошо, подумал я. Значит, физическое тело ещё на месте. Лишь бы только

не оказаться инвалидом, прикованным навеки к больничной койке! Вот этого точно не нужно. Провёл кончиками пальцев по простыне. Шершавая, в мелких катышках, плотная. Похоже, что и накрахмалена изрядно. Или материал такой... точно, материал. Узнаю по тактильной памяти больничное тряпье отвратительного качества. Спустя секунду я понял, что тело моё горит и мне ужасно некомфортно находиться на кровати. Очень хотелось в этот момент оказаться в прохладной ванне – кожа будто иссохла после ожога, хотя я готов был поклясться, что у меня не было возможности обжечься нигде, по крайней мере на это указывали обрывки моей памяти. Левая рука слушалась плохо, и я ей шевелить практически не мог. Ноги... ноги онемели, да. Кровь ушла из них в область таза, как я быстро догадался. Это означало только одно: обе ноги подвешены на петлях и не лежат на кровати. Что же получается, я обе пятки переломал? Или что-то и того хуже? Мысленно пробежался по всему телу, пытаюсь понять, какие ещё сюрпризы мне уготованы. Ввиду невозможности двигаться и жара по всей коже, а также накачивающей боли с ног до головы, сделать это было возможно только одним способом: сконцентрировать луч внимания и пройти всё сантиметр за сантиметром, вслушиваясь в ощущения и стараясь ничего не упустить. В то же время я попробовал открыть глаза, и у меня это сразу не получилось. Веки были будто слиплены между собой. Я начал тяжело и часто дышать, пытаюсь справиться с паникой, и в какой-то момент мне удалось открыть один глаз. Следом за ним – и другой. Видимо, в процессе моего пребывания в бессознательном положении глаза обильно выделяли слизь, из-за чего веки слиплись от застывшего ревума. Перед глазами поплыла мутная картинка, словно я взирал на мир через окошко из слюды. А затем пришла ужасная боль в голове, и я начал звать кого-то, кто мог бы мне помочь. Крикнул, насколько хватило сил, и крик мой еле вырвался из пересохшего обожжённого горла вместе с сипом и свистом. Но этого оказалось достаточно, чтобы через несколько секунд перед моим взором появился силуэт женщины в белом, и склонился надо мною.

– Мария, это ты? – едва слышно прошептал я, – верни всё назад. Всё что было, слышишь? И всё плохое, и всё с чем я боролся. Верни всё как было! Я не хочу оставаться в крошечной темноте, и не хочу чувствовать боль. Мария, ты где?

Силуэт поднялся, обернулся.

– Владимир Геннадьевич, сюда! – раздался женский возглас, и вскоре я увидел перед собой крупного мужчину в белом и с длинной темной бородой.

– А-а, очнулся наконец! – сообщил он, – Оля, протрите ему лицо и затем капельницу.

– Да, только что. Бредит, – ответила женщина, и я почувствовал прохладную лёгкую руку на раскалённом лбу. Голова моя в этот момент была готова лопнуть как перезревший арбуз, как мне казалось. И лёгкое прикосновение даже несколько уняло боль в лобной части черепа.

– Температура поднялась, – констатировала она.

– Это ожидаемо, – кивнул мужчина, образ которого был едва различим через пелену перед глазами. Через несколько секунд на лицо легло холодное влажное полотенце, и я тотчас почувствовал свежесть и облегчение. Женщина очень аккуратно протирала мою кожу, волосы, нос, шею и подбородок. Затем уголком полотенца смыла всю грязь с моих век. Мужчина в этот момент стоял рядом и наблюдал. Когда моё зрение прояснилось, я смог рассмотреть тех двоих незнакомых мне людей более детально. Немного придя в себя, но всё ещё ощущая сильную головную боль, я понял, что нахожусь в больнице, причём лежу в «одиночке», подключённый к каким-то хитроумным приборам. Периферическим зрением я смог определить, что стена помещения слева – стеклянная. Видимо, я находился под круглосуточным наблюдением. Но того, кто мог сидеть за «стекляшкой», я не видел.

Женщина передо мною откинула пододеяльник с лёгким одеялом в сторону и принялась протирать влажной тряпкой мою грудь. В воздухе висел едва уловимый запах уксуса – видимо, его добавляли в воду, в которой мочили полотенце. Я разглядел её лицо: обычная, ничем особо

не примечательная женщина за сорок, впрочем, не лишённая простой и непритязательной привлекательности. Одетая в медицинский халат. Медсестра.

Мужчина – явно врач высшей категории, таких видно издалека. Умное, сосредоточенное и при этом достаточно нахальное лицо со снисходительным взглядом и важно надутыми щеками. «Поди профессор какой-нибудь», – заключил я, глядя на нависший надо мною крупный силуэт. Здоровый русский мужчина, весом заметно больше центнера, с массивными руками и высоким лбом. Смотрит скорее как энтомолог, без особого сочувствия, через очки в круглой оправе. Иногда врач почёсывал подбородок под бородой, будто это почёсывание подкрепляло его мыслительные процессы.

– Воды, – коротко попросил я пересохшим ртом. Меня жутко мучила жажда. Наверное, я бы мог выпить сейчас трёхлитровую банку, словно сталевар в конце смены у мартеновской печи.

Медсестра ненадолго ушла и вскоре вернулась со стаканом воды. В этот момент врач меня уже осматривал, довольно болезненно нажимая на разные точки на голове и не только. Сестра аккуратно приподняла мою голову, что отозвалось сильной болью, и понемногу влила в меня воду. Я выпил весь стакан и облегчённо откинулся на подушку, поняв, что жар внутри тела немного отступил. Видимо, организм сигнализировал телу из-за жажды подобным образом.

– Где я? – наконец я смог нормально говорить, и даже сперва не узнал свой голос – настолько неестественным и громким он мне показался в первую секунду.

– Вы в больнице, голубчик, – ответил врач, – имени Никифорова, Петербург. Хирургическое отделение. Помните что-нибудь?

– Нет, – ответил я. Мне сейчас не хотелось говорить совершенно. Всё болело. Немного напряг память и понял, где нахожусь. Недалеко от Литейного моста и Финляндского вокзала. Хорошо. Значит до дома также недалеко. Хотя, судя по моему состоянию, дома я окажусь ещё нескоро. Уж точно не сегодня-завтра.

– Что со мной произошло? – Я помнил свой короткий полёт с крыши, но никак не мог понять, как я вообще мог выжить после того, как был раскрыт мой череп. Это же быстрая смерть без возможности реанимации в принципе.

– Что с вами произошло – я точно не знаю, – ответил врач, – но привезли вас практически при смерти. У вас была тяжелейшая черепно-мозговая травма. И личных вещей не было также никаких. Предполагаю, что вас кто-то мог ударить по голове тупым предметом, избить хорошенько и бросить умирать.

– Череп был цел? Или открытая?

– Цел, цел. Травма закрытая, но тяжёлая, – ответил врач. Мне это казалось как минимум странным – я был готов поклясться, что ощущал, как в проломленный затылок задувает ветер, а наружу вытекает всё, что у меня было в голове. «Удивительно», – только и подумал я, фокусируясь на ощущениях в затылочной части.

– У вас есть, кому позвонить? Родные и близкие? Кого нам оповещать? – спросил врач, пока медсестра молча суетилась рядом, проводя различного рода замеры и процедуры.

– Нет, я один. Больше у меня никого нет, – дрожащим от волнения голосом ответил я. – Скажите, доктор, дальше что будет? И насколько всё плохо?

– Ну, у меня для вас две новости, – сказал он.

– Хорошая и плохая, как в анекдоте? – Вяло пошутил я.

– Нет. Плохая и плохая. Как в жизни. Во-первых, вам предстоит достаточно длительная реабилитация, инструкции на этот счёт я вам дам. Во-вторых, помимо головы у вас ещё зафиксированы повреждения тела. Множественные ушибы, перелом левой пятки и сильный ушиб правой. Отбиты рёбра. Я не знаю, кто вас отделал, но вам повезло, что вы вообще остались живы. Мы вас собрали как смогли, но процесс лечения будет небыстрым, сразу предупреждаю.

– Голова болит очень сильно. Боль усиливается, – сообщил я и закрыл глаза. Несмотря на то, что я пробыл неизвестно сколько без сознания – или, даже если я в него приходил, то точно этого не помню – чувствовал себя уставшим и разбитым, словно трое суток провёл без сна. Мутило, перед глазами плыли какие-то пятна, жутко хотелось спать.

– Оля, колени ему обезбол, а потом пусть поспит, проследи. А вы не пытайтесь встать. Начнёте дёргаться – лечение пойдёт хуже и дольше, это я вам как врач гарантирую.

Я моргнул в знак согласия, потому как кивать не мог, а говорить не хотелось, и медсестра ввела мне какой-то препарат, после чего я достаточно быстро успокоился и погрузился в сон.

Я не знаю, сколько времени мне пришлось пробыть в бессознательном состоянии, да и не имело это никакого значения, в общем. В данный момент бытовые дела никоим образом не беспокоили меня, потому как единственная мысль, крутившаяся у меня в голове, задавала вопрос то ли моему сгущенному сознанию, то ли мирозданию вовне – что будет дальше и какова моя роль в этой неприятной и пугающей истории?

Когда я погрузился в очередной сон на больничной койке, среди проплывших мимо моего внутреннего взора пятен и бессвязных картинок калейдоскопом пронеслись воспоминания последних дней, выхваченные моим сознанием в чётко оформленные картинки. Они сфокусировались в некую разноцветную абстракцию, переливавшуюся всеми цветами радуги перед глазами, после чего начали принимать очертания, мне уже знакомые. В какой-то момент предо мною появились образы светлых существ, похожих на ангелов. Они заинтересованно смотрели на меня, паря в воздухе. Затем один из них отделился от группы, замершей поодиночке равноудалённо друг от друга, проплыл ко мне и водрузил мерцающий светом шар на моё лицо. В тот же момент меня начало сильно трясти, а область над переносицей жгло нестерпимо. Этот шар погружался в мою голову в месте, где находилась, по повериям индуизма, моя Аджна – та самая чакра третьего глаза, ответственная за разум, фантазию и интуицию – главные инструменты любого просвещённого или колдуна. В этот момент мне стало очень любопытно, что сказали бы практикующие мастера на этот счёт. Однако я не успел погрузиться в мысли или созерцание, потому как пространство перед глазами взорвалось миллионами светлых искр, ослепив меня и заставив изрядно понервничать – спустя мгновения картинка исчезла, и я снова утонул в темноте.

– Ты жив. Это хорошо? – спросил меня знакомый голос. Я начал различать образ женщины в белоснежных одеждах предо мною, проявлявшийся всё чётче.

– Здравствуй, Мария, – приветствовал я, – да, жив. Хорошо или нет – пока не понял. Но точно лучше, чем сидеть там, где я был недавно.

– Понимаю, – кажется, она усмехнулась.

– Скажи, что со мной происходит? И как так получилось, что я выжил после всего?

– Мы собрали тебя по частям. Вернули в нормальное состояние. Пришлось постараться, конечно. Энергии на земле – не то, с чем легко работать. Что могли – сделали.

– Если вы смогли меня собрать, то вы смогли бы и без больничной койки вдохнуть в меня жизнь заново, не так ли? – Логично рассудил я.

– Да. Но не стали, – спокойно и даже как-то безразлично ответила моя собеседница.

– Почему? – Её ответ меня удивил.

– Это будет тебе уроком. Полежишь, прочувствуешь боль – и будешь ценить здоровье. А заодно и жизнь, и физическую крепость. В противном случае, проверни назад время на те доли секунды и верни тебя здоровым – ты бы ничего не понял. Это тоже урок твоей души, – Мария была бесстрашна. Мне казалось, она вообще не испытывает ко мне сострадания.

– Ясно. Решили меня помучить на больничной койке, – разочарованно констатировал я. Её подход меня обидел и даже разозлил.

– На больничную койку ты сам попал, это был твой выбор. Мы помогли тебе выжить, в ответ на твою просьбу, – холодно отрезала она.

– Кто это – «мы»? – Не понял я.

– Твой хранитель. И я, – ответила Мария, – мы же вроде бы с тобой решили, что ты возвращаешься назад и начинаешь делать то, что должен?

– Решили. Только я по-прежнему не очень понимаю, что должен делать.

– Это ты узнаешь несколько позднее, сейчас не время. Впрочем, если у тебя будут возникать какие-либо вопросы – ты всегда можешь звать меня на помощь. Я приду.

– Хорошо, – согласился я, – тогда что дальше?

– Дальше я ускорю процесс твоего выздоровления. Не лежать же на койке полгода, приходя в себя и деградируя физически и умственно, верно?

Дальше я не слышал, что она говорила, и говорила ли вообще что-нибудь. Меня начал обволакивать нежный туман, принося успокоение и сон. Последним, что я увидел, перед тем как выйти в бессознательное, была мягкая рука Марии, возложенная на мою голову.

Последующие дни я запомнил обрывками. Перед глазами вставали рваные картинки, которые я тут же забывал. Моё сознание находилось между сном и бодрствованием, и я толком не мог понять, что из увиденного – реальность, а что – галлюцинации. Сколько прошло времени, и сколько из этого времени я осознавал себя и пребывал в физическом мире, выяснить так и не удалось. Ко мне еженощно приходил тот светящийся ангел и приносил с собой исцеляющий свет, расходившийся по моему телу и обволакивающий молочно-золотистой дымкой с ног до головы. В эти моменты я чувствовал, как срастаются кости, растворяются гематомы, как сходятся края раны на черепе, то ли зашитой, то ли скрепленной скобами степлера – я мог только чувствовать, но даже близко не представлял, как выглядит моя голова на затылке. Судя по всему, моё лечение ускорялось. Вероятно, меня искусственным образом и погрузили в полубоморочное состояние, чтобы я своими шевелениями не мешал сущностям поднимать меня на ноги.

Несколько раз я успевал застать своего лечащего врача, находясь в сознании. Он, кажется, ежедневно осматривал меня, причём судя по его реакции каждый раз – был изрядно впечатлён и удивлён темпами заживления ран и срастания костей. Качал головой, что-то писал в блокнот, и даже выглядел несколько растерянным, периодически поговаривая – «поразительно! Просто поразительно! Заживает как на собаке». Иногда также приходила медсестра и ставила мне какие-то капельницы, но я очень смутно помнил эти моменты. Чувствовал лишь изредка не слишком болезненные уколы иглой в вену.

Каждый последующий день я бодрствовал всё дольше и дольше, постепенно приходя в ясное сознание и восстанавливаясь после пережитого. Мысли становились всё более структурированными, ощущения тела и картинки перед глазами – чёткими. Я по-прежнему помнил те сущности, что помогали мне выздоравливать, приходя в каждый сон с исцеляющим божественным светом, но они ни слова не говорили мне, просто делая свою работу. Мария больше не появлялась, и я уже начал сомневаться и списывать её присутствие и существование вообще на галлюцинации повреждённого мозга. В какой-то момент я даже своё падение с крыши начал связывать с ложными видениями. Не удивлюсь, если по выходу из больницы вдруг обнаружится, что я не умирал вовсе и никуда не падал, а пролежал в коме, например, после удара тупым предметом по голове в результате нападения, думал я.

Когда-то я слышал и читал много воспоминаний тех, кто пережил клиническую смерть – пограничное состояние, которое нельзя отнести ни к жизни, ни к смерти. То есть мозг был ещё способен подавать различного рода сигналы и устраивать самому себе вот такие ловушки. Да и после комы, являвшейся по сути крайней степенью угнетённого сознания нервной системы, многие возвратившиеся также описывали интересные видения. При этом практически всегда

разные. Либо то, что находится за чертой, не поддаётся законам и систематизации данных, либо всё увиденное – не более чем калейдоскоп картинок, ничего не значащих в части смысла и просто подброшенных угасающим сознанием организма, отчаянно цепляющегося за жизнь.

В своё время я изучал природу сна, исключительно из любопытства и тяги к самопознанию и познанию окружающего мира. Меня удивили истории людей, которые переживали длинные по времени сны, включая всевозможные кошмары, а потом выяснялось, что сон раскрывался яркими картинками и сюжетами за какие-то доли секунды. Я даже как-то запомнил историю человека, который пережил во сне собственную казнь путём отрубания головы, при этом он был уверен, что сон длится как минимум половину ночи – настолько сценарно развёрнутым и красочным он был. Каково же было удивление этого господина, когда выяснилось, что весь этот сценарий пролетел перед глазами почти мгновенно – во сне на шею спящего человека просто упала какая-то то ли рейка, то ли прут от изголовья кровати. Я вспомнил про этот любопытный случай, пытаюсь проанализировать – не являются ли мои переживания мимолётной картинкой, пронёсшейся метеором через мой мозг в моменты пребывания в бессознательном состоянии по воле обычного бытового происшествия. И может, здесь и вовсе нет ничего сверхъестественного?

Единственной необъяснимой вещью, которая начала меня сопровождать уже в моменты моего нахождения в ясном сознании, была способность видеть какие-то дымчатые образы вокруг окружающих меня людей и разноцветные, едва заметные ореолы вокруг их тел. Я по-прежнему пытался заставить себя списать увиденное на побочные эффекты работы мозга после операции, а может и вовсе на то, что был по уши накачан всевозможной химией, но мой разум мистика заставлял всё же сомневаться в исключительно материальном восприятии действительности.

Когда я лежал на своей койке, уже почти выздоровевший и ясно соображавший, дверь в мою палату распахнулась – как всегда, без стука – и на пороге появилась медсестра Ольга. Хорошая, добрая женщина, к которой я уже успел привязаться за те дни, что она хлопотала надо мною. Ольга сообщила мне о том, что пришёл сотрудник полиции, чтобы расспросить меня об обстоятельствах произошедшего. Я коротко кивнул, уже почти не чувствуя боли в затылке, а через несколько секунд в палату вошёл молодой мужчина, не старше тридцати на вид, с кожаной папкой в руках. Он поздоровался, сел на стул возле койки, и спросил, как меня зовут. Я назвал имя и фамилию, дату рождения, адрес проживания. Это я помнил отчётливо. Затем сотрудник участливо поинтересовался:

– Как вы себя чувствуете?

– Почти здоров, – коротко ответил я, понимая, что посетитель спрашивает из вежливости. Заинтересованности в его глазах не было никакой, что вполне объяснимо и нормально.

– Расскажите, пожалуйста, что произошло в тот вечер, когда вы получили черепно-мозговую травму и попали сюда?

– Я не помню. Амнезия, – так же коротко ответил я, хотя прекрасно помнил, что тогда произошло – опять же, если не переживал в своей памяти прилетевший откуда-то со стороны сценарий, причём скорее даже не мой, а мне навязанный. О том, что это я сам шагнул с крыши моего дома-колодца, говорить я, разумеется, не стал. Потому как при неудачной попытке суицида после городской больницы людей обычно отправляют в больницу психиатрическую. Я это прекрасно знал, потому как много лет сам был государственным служащим районной прокуратуры, в должности гособвинителя. Впрочем, как был... я и до сих пор числился в ней, за некоторое время до печального события, произошедшего со мной, взяв больничный. Фактически, меня оттуда пока и не увольняли. Я прошёл через огромное количество судебных процессов в своей практике и успел многого насмотреться. Поэтому мне проще было сделать вид, что я и правда ничего не помню.

– Вы будете писать заявление? – спросил сотрудник.

– А с чего вы вообще взяли, что дело носит криминальный характер? – ответил я вопросом на вопрос, не желая тратить время на ненужный мне разговор.

– Медики передали данные в полицию. Я обязан прийти к вам и опросить. Процедура такая, – равнодушно ответил он. То, что при первом подозрении на криминал скорая передаёт данные в компетентные органы, я и сам знал. Особенно когда дело касается ножевых или огнестрельных ранений. Видимо, меня и правда нашли в критическом состоянии с тяжёлой травмой головы и не только, и списали на нападение.

– Нет, заявление писать не буду. Не вижу смысла. Претензий ни к кому не имею, – сообщил я и откинулся на подушку, уставившись в потолок, выкрашенный белой краской.

– Тогда вот, пожалуйста. Тут и тут, – сотрудник полиции сунул мне под руку планшетку, указав, где я должен расписаться. Я поставил пару подписей и взглянул на собеседника повнимательнее. Точнее, даже не на него – его я успел разглядеть, когда он только вошёл в палату. Я смотрел рассеянным взглядом на границы его тела, и с удивлением обнаружил, что вижу исходящий от человека ореол энергий, причём вижу чётче чем прежде и различаю цвета. Взглянул на ноги. Поток энергий уходит куда-то вниз. Посмотрел на верхнюю часть головы. Другой поток, иного цвета, уходит вверх. Видимо, это и были те самые энергии Земли и Космоса, восходящие и нисходящие, о которых говорили эзотерические учения Востока. Я пока не понимал, зачем мне это нужно, и что делать с этой информацией. Что мне не понравилось сразу – это тёмный сгусток над темечком человека. Мне вдруг пришла мысль, очень отчётливая, что человеку грозит какая-то опасность в ближайшее время. Но озвучивать я её не стал – всё равно никто не будет меня слушать, быстрее попаду под пристальное внимание психиатра. «Интересное дело, – подумал я, – как обострилось чувство после пережитого». Я продолжал разглядывать своего посетителя, который, впрочем, уже собирался уходить. Сотрудник коротко попрощался и вышел, оставив меня наедине с моими мыслями и осознаниями.

Каждую ночь моего пребывания в больнице меня не только лечили, но и будто бы грузили новой информацией, новыми навыками. В подсознании шли какие-то очень серьёзные изменения, которые я чувствовал, но пока не понимал. Что уже стало понятным, так это то, что у меня начали проявляться нехарактерные для обычного человека способности. Я стал видеть непонятные шлейфы за идущими мимо людьми, потоки энергий над головами и под ногами, стал различать цвета контуров. В какой-то момент, фокусируясь на своих руках и ногах, прощупывая мысленно тело по сантиметру с макушки до пяток, я обнаружил, что могу разумом контролировать движения энергии в конечностях. Очень странное и необычное чувство. Мои руки начинали наливать свинцом и пульсировать, и мне казалось, что в них прибавлялась огромная сила. Причём не физическая, а какая-то иная, природу какой я пока не мог разгадать.

В последние дни, когда я мог уже без особых болей двигать конечностями, а взор был ясен, я пробовал экспериментировать с движениями тонких тел, памятуя о прочитанных когда-то книгах буддистских энергопрактиков, пусть и криво переведённых на русский язык. В них говорилось, что мастера умеют мысленно раздвигать или сужать границы своего энергетического тела, формировать потоки из рук, а также лечить людей и животных, создавая невидимые сферы и убирая туда болезни. Магия – в чистом виде работа с человеческим подсознанием, это я знал точно. И практикуя, человек оттачивает свои умения. В этом смысле энергопрактики ничем особенно не отличаются от любого другого ремесла. Другое дело, что человек работает с трансцендентным, а не явным – вот и вся разница.

Самое интересное, что у меня получалось. Причём я буквально интуитивно чувствовал, что каждый день приближаюсь к чему-то, до чего доходят единицы, и то – за годы своей работы и осознаний. Я не понимал ещё, к чему иду и что за силы ведут меня вперёд, однако осознавал важность своей миссии, мне пока неведомой. Да и потом, пережитого и увиденного было

вполне достаточно, чтобы хотя бы крепко задуматься, пусть даже всё это было вывертами моего угасающего сознания в момент нахождения в коме. Что мне было уготовано судьбой, которая, увы, не имеет свойства оставлять чёткие инструкции и распоряжения, я и понятия не имел. Но понимал, что именно сейчас идёт моё перерождение. И моё становление. Становление колдуна?

В день моей выписки дежурила другая медсестра, которую я ранее не видел. Она пришла ко мне в палату, раздать несколько указаний и сделать последние уколы. А затем проводила, аккуратно придерживая под плечо, в процедурную комнату, где я смог впервые помыться с большим наслаждением. Ещё вчера мне запрещалось вставать с койки, но к удивлению лечащего врача, получившего мои рентгеновские снимки и расшифровки, моё состояние было абсолютно нормальным. Не для совершенно здорового человека, конечно, но для переломанного и выздоровевшего в столь короткий срок. Гематомы уже давно рассосались и практически не напоминали о себе – так, какие-то невнятные пятна по телу, не более того. Голова уже почти перестала болеть. Я ощупывал длинный шов на своём затылке, а также несколько других, поменьше, расходившихся в стороны, и понимал, что процесс восстановления шёл быстрее в разы, чем это могло бы быть в обычном случае. Корка на коже доставляла небольшой дискомфорт, хотя волосы по всей голове были обриты ещё давно. Но в остальном – прекрасно. Конечно, меня сопровождали болевые ощущения при ходьбе и резких движениях, но они постепенно сходили на нет.

Я снял с себя больничную одежду, сбросив на пол. Мог бы помыться и дома, но сильно пропах и хотел выйти на улицу свежим. Подошёл к зеркалу без оправы, висящему на холодной белой кафельной стене, посмотрел в него. «Ну и рожа!» – разочарованно подумал я, глядя на синяки и мешки под глазами – результат повышенной нагрузки на почки в период активного медикаментозного лечения. Криво побритый дешёвым станком, усталый и измождённый. Взгляд потухший. Затылок осмотреть не смог, не было второго зеркала. На груди желтеют пятна, сам весь отёкший от постоянного лежания. Хорошо хоть пролежней нет – думал я, глядя на своё отражение.

Мылся я медленно и с наслаждением, думая о том, как же иногда мало нужно человеку, чтобы почувствовать себя удовлетворённым. Затем кое-как вытерся маленьким казённым вафельным полотенцем и вернулся в палату. Моя медсестра подошла вместе с лечащим врачом. Врач отдал мне выписку, осмотрел меня ещё раз на всякий случай, и сказал:

– Ну всё, вы можете собираться и идти. Очень надеюсь, что вы сюда больше не попадёте в подобных обстоятельствах, – он внимательно посмотрел на меня. В этот момент я так же внимательно изучал исходящий от него серебристый свет. Наполненный, плотный, гармоничный. Сильный человек. Находится на своём месте, сбалансирован, оттого и излучает уверенность и что-то такое... надёжное? А вот медсестра – блёклая женщина в годах с мутными, практически полужакрытыми глазами, мне не понравилась. Жизнь в ней будто бы еле теплилась, и поток, уходящий наверх, был практически незаметен. Равно как и окружающий её ореол – также едва ощутим. Я пытался понять, в чём дело. А затем меня осенило – будто кто-то вбил в голову чёткую мысль: эта женщина, по всей видимости, была тем самым фантомом, о котором говорила Мария. Её существование в облики полого тела без души было необходимо как раз для выполнения примитивной механической работы для обслуживания этой больницы в течение жизни, так мне это виделось. Я не был уверен в этом на сто процентов, потому как мозг упорно боролся с засевшими в нём противоречиями, но подсознательно ощущал что-то подобное...

Я поблагодарил врача и медсестру, пообещав в ближайшие дни занести что-нибудь эдакое, и спросил, есть ли в больнице какие-то вещи вот на такой случай – приехал я сюда в заляпанном грязью и кровью халате, и больше у меня из одежды ничего не было. Мне достаточно

быстро притащили откуда-то спортивный костюм из разряда «возьми, убоже, что нам не гоже», и в нём я вышел на улицу, сгорая от стыда.

На дворе стоял ноябрь. В этот месяц Питер особенно отвратителен. Холодно, серо, мокро. Поёжившись и взглянув в тяжёлое свинцовое небо, по которому неспешно плыли тёмные, готовые пролиться дождём облака, я пошёл медленным шагом, прислушиваясь к своим ощущениям, в сторону метро. Мой лечащий врач, понимающе вздохнув, ещё на выходе снабдил меня суммой, достаточной для проезда на транспорте, так как дойти до своего дома, да ещё и по холоду, я бы точно не смог.

Я шёл, глядя на тоскливые пейзажи родного города, и чувствовал в этот момент то, чего раньше совершенно не замечал – тяжёлые, тягучие, неприятные энергии, исходившие от него. Город не стал другим, вовсе нет. Обострилось именно моё чувствование. Я глядел на обшарпанные серые стены и тёмные подворотни, из которых разило мочой, на торчащие наружу узловатые корни немногочисленных деревьев, пытающихся уместиться на крошечных пятках земли в неприветливом пространстве, в котором нет места для природы. На трещины в камнях, проржавевшие трубы и облупившиеся металлические ограды, выкрашенные непременно в чёрный или тёмно-зелёный цвет. На унылые коричневые рамы в окнах ещё более унылых на вид старых домов, покосившиеся козырьки парадных, серую воду многочисленных в этом городе рек и каналов, прибывавшую к гранитным плитам грязно-бурую пену и мусор... Это был город-склеп. Я чувствовал, как веет смертью и страданиями из тянувшихся вдоль дороги чёрных окошек подвалов. Казалось, сейчас из-за угла покажется какая-нибудь мрачная похоронная процессия, которая пройдёт молча мимо, волоча сани, а поверх них будут лежать умершие от голода истощённые люди. Такое чувство тоски и безысходности навевал на меня рано постаревший Петербург глубокой осенью. Краски лета и красота его в период с мая по сентябрь давно уже ушла в воспоминания, и северная столица будто погрузилась в анабиоз до следующей весны. Как хорошо было здесь жить весной и летом, и как ужасно я переносил, особенно в последние годы, осенний и зимний периоды. Даже не из-за холодов, а из-за унылой серости, когда выходишь на улицу в разгар дня – а на небе, в пепельного цвета мареве, едва проглядывает бледный диск солнца, а иной раз нет и его. Неудивительно, что мой город был одним из лидеров в стране по суициду, алкоголизму и наркомании.

Добравшись до своего дома, я направился в арку, ведущую во двор. Перед входом сердце будто пыталось вырваться из груди. Пришло какое-то щемящее чувство тоски, в висках запульсировало. Я стоял, не решаясь сделать шаг в темноту двора, хотя мне было очень холодно, а на улице начинался дождь. Ледяные капли забарабанили по крышам, вода начала проникать мне за шиворот, а я так и стоял, как истукан, не в силах двигаться. Слишком свежи были мои воспоминания о последнем дне, наполненном скорбью.

Где-то во дворе громко взвизгнула дверь в парадную, нарушив стусившуюся тишину скрипом ржавых петель, и навстречу со двора вышел незнакомый мне человек, ёжась от холода и прячась под зонтом. Его появление каким-то необъяснимым образом вырвало меня из страсти, будто сказав, что жизнь продолжается, и вот они, люди. Я шагнул в полумрак двора-колодца.

На том месте, где я лежал, не было ни единого пятнышка крови. Затерлись и исчезли за недели непрерывных ливней, по всей видимости. Я постоял немного в раздумьях. В этот момент меня трясло от пережитого нервного напряжения, а из глаз катились слёзы. Спустя несколько минут я наконец пошёл к двери в парадную, последний раз взглянув в сумеречное небо. Сверху всё так же, как и в тот злополучный вечер, практически невидимыми иглами на землю падали капли. Более крупные и более холодные, чем в октябре, но всё так же навевавшие тоску.

Я подошёл к невзрачной серой двери, развернувшись и бросив прощальный взгляд на двор. В темноте под навесом, на противоположной стороне, нарушением однородного тёмно-

серого цвета покрытой штукатуркой стены, появился чёрный силуэт незнакомого мне человека, который будто стоял и наблюдал за мной, закутавшись в длинный плащ. Фигура не двигалась, и мне стало не по себе. Однако я не стал заострять на этом внимание, просто предположив, что какой-то прохожий всего лишь прячется от дождя под козырьком, и вошёл в парадную.

Поднявшись на свой этаж и ощущая, что я смертельно устал, а ноги мои болят, да и просто отвыкли от ходьбы, я решил, что мне срочно нужен отдых. Ужасно хотелось спать. Подошёл к двери в свою квартиру. Помню, что в тот вечер я просто её захлопнул, уходя, и сейчас опасался, что квартира разграблена. Опустил ручку, дверь поддалась и открылась, и я оказался на пороге своей квартиры. Интересно, думал я в тот момент, как любой дом имеет свой собственный запах, и принадлежащую мне квартиру я бы определил именно по нему вслепую среди тысяч других. Пахло чем-то родным, и мне казалось, что моё жилище встречает меня.

В прихожей включил свет и обнаружил, что всё на месте, и за время моей реабилитации в стационаре здесь никого не было. Облегчённо выдохнул, потому как идя домой, уже рисовал в голове беспокойные картины разгрома и запустения. Но нет, обошлось.

Несмотря на то, что была середина дня, по черноте за окном казалось, что уже глубокий вечер, настолько сильно небо заволочло тяжёлыми грозowymi облаками. Я прошёл в полумрак жилой комнаты, посмотрел на висевшие на стене часы. Они по-прежнему стояли, показывая время, когда я получил дурную весть, последнюю в той жизни, что была окончена в момент падения на асфальт. Быстро раздевшись и кинув скомканную чужую одежду в угол, я упал на кровать и практически моментально заснул.

Сон был крайне беспокойным и прерывистым. Можно даже сказать, что я находился в пограничном состоянии сознания, на кромке бодрствования и отдыха. Перед глазами постоянно плыли какие-то картины, а светящиеся существа грузили в меня какую-то информацию или навыки. В какой-то момент меня начало трясти, как при лихорадке, и тело казалось словно наэлектризованным – настолько сильно меня с ног до головы пронизывали странные мелкие вибрации, усиливавшиеся с каждой минутой. Сколько времени я провёл в таком состоянии – сказать я не мог. Пару раз открывал глаза, но видел на стене лишь вставшие часы, а за окном – всё тот же тёмно-серый грозовой пейзаж. Встать с кровати, чтобы перепроверить, мне не хотелось, да и не было в этом никакого смысла, в сущности. Что бы это изменило в тот момент?

Я не понимал, что со мной происходит, и зачем всё это, хотя и чувствовал важность события и принимал происходящее как безоговорочную божественную манифестацию. По крайней мере, я старался так думать. В какой-то момент я решил позвать Марию, которая была со мной с самого начала, чтобы понять – отзовётся ли она на мой зов. Потому как уже много дней я не ощущал её присутствия и она не говорила со мной.

– Мария? Ты здесь? – спросил я, – если ты здесь – ответь!

Спустя несколько секунд картинка перед глазами исказилась и начал проявляться уже знакомый образ в белых одеждах. Моя собеседница явилась на зов.

– Да, я здесь, – спокойно ответила она, – что тебя беспокоит?

Я до конца не верил, что мне удастся войти с ней в контакт так легко и быстро, и позвал её больше для того, чтобы просто перепроверить подобную возможность. Потому удивился.

– Скажи, что происходит, и что мне делать дальше?

– Делать? Да ничего не делать. Живи, радуйся, верь. Остальное позже придёт. Всему своё время, – так же спокойно ответила она.

– А к чему меня готовят? И что в меня загружают каждый день и ночь? – спросил я.

– Тебя готовят к выполнению твоего предназначения. Процесс ускорился, потому как событийный ряд уже запущен во времени, и скоро тебе предстоит сделать то, что ты должен.

– А что я должен делать? В чём мое предназначение? – Я до сих пор не мог понять, что от меня хотят невидимые и неосязаемые кукловоды.

– Скоро узнаешь. Пока не время. Ты ещё не готов.

– А если я не хочу? И не буду делать то, что мне навязывают со стороны?

– Ну, тогда не будет смысла в твоём нахождении здесь, – ответила Мария, – и тебя выключат из игры. Я тебе уже говорила об этом. Что из этого получится – ты уже видел, сам был там.

– По всему выходит, что свобода воли – ложь? Мне дают только иллюзию выбора? – Моё удивление вмиг сменилось негодованием.

– Ну почему же? Выбор есть. Да, в твоём случае можно это воспринимать как иллюзию. Что бы ни произошло – ты же сам этого хотел. Твоя душа хотела. Выполнить глобальное предназначение, чтобы войти в вечность. Ты ещё не понимаешь, насколько много тебе предлагается. Бесконечно много.

– А мне не нужно много! – Возразил я, – мне достаточно малого, но пусть это малое будет только моим и больше ничьим.

– Ты уже видел полых. Фантомов. Людей без души. У них ничего нет там, за чертой. И ты ещё увидишь тех, кто падает – быстро ли, медленно – неважно. Итог один. И увидишь тех, кто барахтается бесцельно, проживая сотни и тысячи жизней в стоянии на месте без возможности уйти домой. Ты этого хочешь? Их участь незавидна. Ты просто не понял. Твоё сознание слишком узко. Чтобы прийти к истине, просто начни с принятия.

– Я хочу, чтобы от меня отстали. Мне всё равно, что будет потом. Но я не хочу попасть в Бездну, равно как я не хочу быть вовлечённым в ваши игры.

– Это невозможно, – отрезала Мария, – твоя душа заявила миру о том, что ты колдун, ещё задолго до твоего рождения. Я понимаю твои эмоциональные всплески и постоянные качели. Но и ты пойми: крепкое дерево с сильными корнями не прорастёт в парнике. Ему нужны ветры, камни и враги. Только так оно становится крепким. Пепел и алмаз созданы из одного и того же вещества. Сильные личности рождаются в наиболее суровых условиях. А будь у тебя всё хорошо – к каким осознаниям ты бы пришёл?

Я задумался. В том, что она говорила, была и логика и, наверное, даже истина. Вот только я не был готов к тому, чтобы принять свою жизнь такой какая она есть. Мария будто прочитала мои мысли и сказала тихим и спокойным голосом:

– Ты задаёшь себе вопросы – почему именно ты, почему у тебя так всё плохо, и ты начинаешь сравнивать себя с другими. Забывая о том, что в лесу есть и сосна, и крапива, и грибы, и клюква на болоте. Всему своё место. И твоя жизнь – она идеальна просто потому, что она твоя. Не нужно сравнивать себя с кем-либо. Просто принимай. Твоя душа слишком сильна, твоё предназначение огромно. Радуйся этому. Ты прорвёшь круг – то, что вы называете колесом Сансары – и уйдёшь наверх в тысячу раз быстрее, чем те, кто не наработал подобного опыта.

– Хорошо, – так же тихо ответил я, – когда я узнаю своё предназначение, что мне делать и зачем я здесь? Я хочу покончить с этим как можно быстрее.

– Не сейчас. Ты ещё не готов, – терпеливо пояснила Мария в очередной раз и исчезла, оставив меня наедине с самим собой и своими тяжёлыми и тревожными мыслями.

Я встал с кровати и наконец смог побродить по дому, в котором давно не был. Подошёл к настенным часам. Прокрутил вороток на задней стороне и стрелки вновь ожили и зашагали. Выставил время, сверившись с цифрами на экране телефона. Девятнадцать часов, девятнадцать минут. Хмыкнул, вспомнив, что зеркальные числа постоянно видят на циферблатах те, с кем, согласно учениям нумерологии ещё со времен Пифагора, таким образом разговаривает пространство. Но человек для того, чтобы неведомая сила заставляла каждый раз именно в определённое время смотреть на часы, отрывая взгляд и внимание от повседневных дел, должен быть достаточно чуток духовно. Я себя к просветлённым людям не причислял, по большому счёту, хотя по сути своей и был мистиком и верующим. Однако же в падении и духовной

деградации последних лет рухнул вниз настолько глубоко, что решительно не верил, что со мной тонкие планы начнут хоть как-то разговаривать подобным образом.

Я отошёл от стены и заметил на книжном стеллаже нашу семейную фотографию. С неё на меня глядели улыбающиеся лица. Оттого ещё печальнее было смотреть на небольшой прямоугольник с изображением давно ушедших из моей жизни людей. Сердце защемила тоска, и я в этот момент едва сдерживал слёзы. Настроение было испорчено окончательно. Не хотелось ничего, кроме как напиться.

Отложив фотографию, про которую даже успел забыть в последнее время, я окинул взглядом свой дом. Тишина и темнота, спустившиеся на вечерний осенний город, погрузили во мрак то место, в котором я жил уже много лет. Лишь только взведённые настенные часы, как немое напоминание о том, что я по-прежнему жив, едва слышно отбивали секунды. Точно и беспристрастно. И этот тусклый ночник возле кровати, едва освещавший угол в котором он стоит.

Остановился в полумраке комнаты напротив книжного шкафа. Мне не хотелось зажигать свет, я чувствовал, что он моментально вернёт меня в повседневность и обыденность. А в тишине залитого полумраком помещения сохранялось какое-то уединение и личное пространство.

Провёл пальцами по корешкам книг, едва различая названия. Моя личная библиотека – моя гордость. Книг было немало, и подбирались они особо тщательно и с большим трудом в течение многих лет. Дошёл до полки с философской и эзотерической литературой. Интересовался я в своё время оккультными науками, было дело. Парацельс, Штайнер, Клизовский – всё на месте. Множество последователей антропософии. Ну и «Роза мира», куда же без неё! Интересно, мои мистические искания в итоге привели меня к той точке, в которую я пришёл, проживая повседневную жизнь в поисках, восходящих к эсхатологическим и космогоническим мифам? Или, наоборот, из-за того, что я должен был прийти в эту точку по предначертанной заранее дороге, я и интересовался подобными вещами? Хорошие интересы у служащего прокуратуры, ничего не скажешь, нетипичные. А самое интересное то, что, побывав за чертой, я обнаружил, что половина написанного – совершенно невозможный бред. Но другая – будто голос незамутнённого сознания, несущего истину. Одной из опаснейших ловушек духовного поиска является именно следование по ложной дороге, уводящей в сторону – это я точно уяснил для себя в определённый момент своей жизни. И отсечь истину от лжи – дело максимально трудное. Поэтому лучшим, как мне казалось до некоторого момента, сценарием было следование к Богу в вере и принятии, и не более того, без излишних размышлений. Просто прожить жизнь, пройти её уроки, и не ломать голову над писаниной всевозможных оккультистов и учителей, которые заблуждаются не меньше нашего, но только гораздо страшнее. Хотя головой я это всё понимал, но душой – нет. Слишком сильна у меня была обида на жизнь и на судьбу с её подлым и жестоким сценарием.

Справа на полке стояла стопка виниловых пластинок. Я был большим фанатом старых проигрывателей. Звук от проигрываемых пластинок казался более живым и ясным, что ли. Хотя я и не игнорировал наушники в телефоне, но классику предпочитал слушать именно в виниле. Перебрал вертикально стоящую стопку пальцами. Клод Дебюсси, Морис Равель, Франсуа Куперен... «Да уж, даже государственные служащие иногда не чужды романтизму», – подумал я, горько усмехнувшись. Затем окинул взглядом комнату в каком-то машинальном, бессознательном поиске артефактов прошлой жизни, отстоящей от нынешней до того злополучного вечера, будто две абсолютно отличные друг от друга судьбы, которые не пересекаются между собой и проходят в совершенно разных плоскостях. Зацепился за висящие на стене в ряд три репродукции Клода Лоррена – одного из мастеров классического пейзажа и моего любимого художника, блестяще передававшего в своих произведениях игру света и тени. Раньше я не понимал, чем он меня так восхитил до самых глубин, хотя его полотна были, безусловно, потря-

сающими. А сейчас, глядя на падающий на них тусклый свет и даже с трудом различая небольшие детали, я вдруг понял: мастер просто оживлял мою жизнь своими удивительными цветами и красками, внося какое-то контрастное разнообразие в молчаливо серую обыденность каждого дня, похожего на предыдущий и последующий. Любого человека, хотя бы мало-мальски чуткого, иногда одолевает ощущение, будто душу уносит куда-то очень далеко, прочь от каменных стен и унылой повседневности вокруг. Куда-то в те далёкие дали, где можно просто выдохнуть, лечь и закрыть глаза под безупречно синим и бездонным небом. Видимо, именно этим меня и привлекла подобного рода живопись, помогавшая чувствовать себя живым в особенно тёмные часы моего тяжёлого существования в тяжёлом городе.

Наконец я взял в руки телефон, который достаточно зарядился и в беззвучном режиме, тем не менее, активно подавал признаки жизни десятками различных оповещений о звонках и сообщениях, пришедших на номер в те дни, когда я был прикован к больничной койке. Много людей мне писали и звонили... и среди них – практически нет своих. Только пара старых друзей упорно пыталась пробиться, не понимая, видимо, почему я им не отвечаю. Звонки и сообщения с работы я проигнорировал. У меня не было ни малейшего желания объясняться с кем-либо. А то, что информацию обо мне и моём состоянии уже передали на службу, это почти наверняка. И что самое интересное, ни один из коллег и сослуживцев так и не пришёл ко мне в больницу, навестить и узнать, как я. А вот своим друзьям я написал, что сегодня нанесу визит в наше излюбленное место – бар неподалёку от Владимирского собора в районе, где круглосуточно звучит музыка и в воздухе витает дух кутежа и радости. Там мы собирались каждую пятницу, после недельного отбывания трудовой повинности современного раба – офисного служащего. А сегодня была как раз пятница.

Кое-как одевшись, ведь всё тело по-прежнему болело, я вышел из квартиры и запер за собой дверь. Спустившись по плохо освещённой лестнице из серого гранита, затёртого за долгие годы множеством ног, я вышел на улицу. Было сыро и стоял туман, но с неба хотя бы не лило. Я прошёл по неосвещённому двору, перешагивая через лужи, образовавшиеся в многочисленных ямах в асфальте, и краем глаза увидел тёмный силуэт незнакомого мне мужчины. От неожиданности я чуть не подпрыгнул. Он меня изрядно напугал. Мельком взглянув на мужчину, который стоял под козырьком и также смотрел на меня, я вдруг понял, что его черты лица кажутся мне смутно знакомыми, однако понять или вспомнить, кто это, я не смог. Да и часть лица скрывалась под высоким воротом тёмного плаща, а лоб был закрыт чёрной шляпой. Мужчина смотрел на меня не отрываясь, и его тяжёлый, мутный и недоброжелательный взгляд мне очень не понравился. Подозрительный, крайне неприятный тип. Хотя ввиду того, что я был уверен, что уже видел этого неприятного господина, каких-то особых опасений этот человек у меня не вызвал. Наверное, очередной сосед из числа тихих затворников-социофобов, выходящих из своей квартиры только в магазин, и то – в самое неудобное время суток. Я взглянул на него в последний раз и вышел в арку, свернув на относительно оживлённую для этого времени суток улицу.

Дверь в заведение открылась, и над головой зазвенели колокольчики, оповещавшие персонал, что у них очередной посетитель. Я вошёл внутрь, отряхивая одежду от мелких капель – туман, висевший в воздухе, будто был сделан из молока, а влага тут же оседала на теле едва заметными крупинками. На входе меня поприветствовал очередной безликий официант, имени которого я не знал – молодой паренёк из числа студентов на подработке, здесь такие менялись каждые две недели. Уходили прежние, приходили новые. Прошёл в зал, в котором сидело достаточно приличное количество людей – народ после работы приходил снимать стресс. Огляделся, увидел, что из дальнего угла мне машет рукой мой старый товарищ, и устремился к нему, протискиваясь между стульев, на которых сидели уже подвыпившие сограждане. Было немного душно, и даже открытые форточки под потолком слабо помогали. Где-то возле бара

голосила колонка, из которой разливался классический хард-рок, всегда поднимавший настроение и приносивший ощущение праздника, и слышались сдавленные вопли Брайана Джонсона, неизменного вокалиста легендарной AC/DC.

– Здорово, дружище! – Мой старый приятель Лёха протянул мне руку, – ты куда пропал? Мы уже обзвонились, даже на работу тебе пытались пробиться. Уже даже не знали, что думать!

– Прости, друг, – виновато ответил я, – в больничке валялся. Телефон дома был.

Мой собеседник удивлённо воззрился на меня и покачал головой.

– То-то ты так хреново выглядишь, ещё с порога заметил. Опухший какой-то, болезненный, – Алексей немного наклонился и посмотрел на меня очень внимательно. – И знаешь... что-то изменилось у тебя в глазах. Сильно.

– Отёки, – коротко пояснил я, – на койке несколько недель провалялся под капельницами. Химией напичкан по самую макушку, месяц выходить будет ещё, наверное. Где Андрей?

– Да вон, тебе несёт горло промочить, – Лёха кивнул мне за плечо. Я обернулся.

– Взвейтесь соколы орлами, полно горе горевать! – Прорекламировал второй мой друг, неся в руках два бокала, – пока официантов дождётся, проще самому... блин, что у тебя с башкой? – спросил он удивлённо, разглядев, наконец, исполосованный затылок. – Тебя как будто через блендер пропустили на скорую руку...

– А это, мой дорогой Андрюха, та причина, по которой я не был на связи столько времени.

Я рассказал историю своего попадания в больницу, умолчав, правда, о секундном полёте с крыши на асфальт. Сказал, что вышел из дома, дальше ничего не помню. Что пролежал в коме некоторое время, потом в палате, практически недвижим в течение многих дней, и еле выжил. Когда я говорил, оба молчали, очень внимательно глядя на меня и сочувственно качая головами. Я продолжал рассказывать, глядя на своих друзей. Высокий и худощавый Алексей с умным лицом и грустным взглядом сидел, опершись на стол локтями. Я пригляделся, увидел дымчатый ореол вокруг него, область вокруг головы подёрнута едва заметной рябью – но это ничего, всего лишь внутреннее волнение. Парень за меня действительно переживает. Зрелая, опытная душа. Высокая эмпатия, столь же высокий интеллект. Я уже по внешнему виду каким-то неведомым для меня образом начал понимать, с кем имею дело, просто взглянув мельком на человека. И тут же поймал себя на мысли, что того незнакомого мужчину во дворе моего дома рассмотреть не смог. По крайней мере, подобного ореола вокруг него не увидел, будто незнакомец маскировался неведомым мне образом или был совершенно пустым фантомом. Впрочем, даже фантомы оставляют пусть и слабые, но всё же заметные следы вокруг себя. Интересно. Очень интересно.

Андрей, крупный парень с рыхловатой фигурой и простецким лицом, был человеком определённо добрым и весёлым, за что я его очень любил. Он будто стирал из пространства любую тревогу и тоску, и заряжал окружающих хорошим настроением, одним своим появлением принося праздник в то место, куда он приходил. Мне почему-то на ум пришли различного рода растения в этот момент. Есть сорняки, подумал я, есть обычная трава, а есть цветок – люпин, растение-сидерат, который обогащает почву вокруг себя полезными веществами. Не столь опытная и зрелая, но тоже душа. Цвет ореола был чуть более светлым, чем у Алексея, да и носитель сам был чуть более светлым, не так сильно отягощённым думами и тревогами. Лёгкий и лучистый, хотя и поверхностный в плане восприятия информации и выводов из пережитого опыта.

Мои старые, закадычные друзья. Близкие мне люди. Оставшиеся близкие люди, если сказать точнее. Я очень скучал по ним, и был невероятно рад этой встрече. И видел, как соперничали моим бедам мои единственные родные, и как они радовались, видя, что я жив, и даже подаю некоторые надежды на выздоровление в ближайшее время.

– Всё с тобой ясно, – констатировал Андрей, когда я закончил говорить, – мы так и почувствовали неладное. Отцу твоему пытались прозвониться, думали может он ответит. Как он, кстати? Как идёт лечение? Получше, надеюсь?

– Умер мой отец, – ответил я, чувствуя, как ледяной комок поднимается вверх по горлу. – Отмучился. Так что да, получше, – слабо отшутился я, грустно улыбнувшись.

– Мда-а-а... – протянул Андрей, а Лёха ткнул его локтем в бок, пытаясь сделать это максимально незаметно, но я всё равно увидел.

– Ладно, жизнь есть жизнь. Все там будем, все под Богом ходим, – сказал серьёзный Алексей и подвинул ко мне бокал густого стаута, – давайте, за встречу!

– ...но мы в морях не раз встречали зори, и пили спирт, болтаясь между льдин, – продекламировал Андрей, большой любитель поэзии, от древнекитайской или песен Калевалы и Старшей и Младшей Эдды, до современной, но непременно в качественном рок исполнении.

– Мы всё пропьём, но флот не опозорим! Мы всё пропьём, но флот не посрамим! – Ответили ему мы с Лёхой дружным хором и подняли свои бокалы. Настроение как-то улучшилось. Я отпил из бокала, и душистый и терпкий чёрный эль верхового брожения, в народе – стаут, скатился холодным потоком вниз по горлу, приводя меня в чувства. Поставил на стол бокал, с удовольствием наблюдая, как по помутневшей поверхности стекла вниз бегут редкие слезинки и оседают лужицей на плотном квадратике из пивного картона.

– Ну так что у тебя в итоге с головой-то было? – Спросил Андрей, также поставив бокал.

– Череп был пробит, – ответил я, – выжил только чудом. После такого обычно не живут, должен доложить. Божье провидение, не иначе, – ответил я, не вдаваясь в подробности.

– Да уж... – задумчиво ответил Алексей, – не повезло тебе, дружище. Но хоть так. Хоть так... могло кончиться намного хуже. Даже представлять не хочу.

– Вы тут про Божье провидение частенько в один голос говорите, – возразил Андрей, – но не ваш ли Бог поставил тебя в подобные условия? И голову тебе собирали и шили вроде бы не ангелочки, а врачи реанимации. И выхаживали тебя в интенсивной терапии те, кто перед этим учился в меде лет так шесть... или восемь, сколько там? Я в эту ерунду не верю, если честно. В этом мире всё гораздо прозаичнее. И происходящий вокруг звиздец тоже можно списать на высшие силы. Только почему-то они попустительствуют подобному. Где я не прав?

– Вопрос, почему так произошло – сложен и многогранен, – возразил я, – и ты не знаешь всех подробностей. Я не хочу всё рассказывать. А ты, неужели прожив половину жизни, не чувствуешь Его касания за своей спиной? Ты же умный и образованный человек.

– Я не верю в Бога. В научные объяснения о происхождении Вселенной – да. В то, что какие-то там высшие силы чем-то управляют – решительно нет, – Алексей пренебрежительно махнул рукой. Я почувствовал в его голосе какую-то скрытую обиду на само мироздание. Как мне показалось, мой дорогой друг разочаровался в общей идее божественного происхождения мира в первую очередь из-за того, что его жизнь развивалась не так, как он ожидал. В его энергополе считывались подобного рода вибрации. Мне было трудно объяснить, почему я это вижу и понимаю, но я точно знал, что это так. Видимо, именно подобного рода понимание – когда ты чётко улавливаешь мотивы и причины, и называется яснознанием.

– Неужели ты считаешь, что всё, что есть вокруг тебя, – я окинул рукой окружающее пространство, при этом мой голос был максимально спокойным и полным уверенности, – образовалось в результате большого взрыва? Микромир с упорядоченными частицами или микроорганизмами, обладающими необъяснимым учёными коллективным разумом, а также макромир с его галактиками и Вселенной. Которая, просто вдумайся, имеет видимый и просчитываемый диаметр в сто миллиардов световых лет, просто вот так вот взяли и образовались из ничего? И что там было, за пределами этого ничего? А если Вселенная – это яйцо, двигаясь сквозь которое, ты в конечном счёте выйдешь из противоположного «конца» и продолжишь бесконечное движение, то что находится за её пределами?

– Кажется, физика и астрономия уже большую часть из этого объяснили, – буркнул в ответ Андрей и уставился в бокал. В его голосе слышалась неуверенность.

– Да, объяснили, – согласился я, – но ведь пятьсот лет назад... да что там пятьсот – даже сто лет назад учёные сделали кучу открытий, соответствующих их уровню сознания и уровню развития точных и естественных наук, и как эти открытия воспринимаются теперь? Мы даже иной раз смеёмся над той чушью, которую самые учёные мужи своего времени провозглашали истиной. Не думаешь ли ты, что лет через сто или пятьсот все наши изыскания и открытия будут растоптаны как хлам и опровергнуты более совершенными знаниями? Рене Декарт, известный и уважаемый учёный, математик и философ, утверждал, что Земля – полая. А это даже не пятый или десятый, а семнадцатый век. По меркам развития человечества – ну, позавчера. А Карл Линней, удивительно образованный для своего времени человек, в принципе не знал об эволюционных механизмах развития живых существ, и более того – ему это даже в голову не приходило. Впрочем, можем несколько углубиться во времени. Вспомни, сколько учёных мужей считали, что Земля – плоская? Пока Николай Коперник не доказал обратное. Но это же шестнадцатый век! А сколько столетий до этого считалось, что Земля плоская, а солнце вращается вокруг неё? А уж про трёх китов и черепах – пришедших, кстати, из буддизма и древних гадательных практик народов Востока, и говорить нечего. И ведь образованные слои своего времени подхватили эти верования и частично отразили их в ветхозаветных учениях! Человечество ошибалось на каждом шагу, впоследствии опровергая свои же верования и убеждения, в процессе развития науки. Более того, даже нынешние астрономы и физики – тут более атеистически настроенной публики и придумать сложно – приходят к единому мнению, что Бог существует, просто наблюдая за предметом своего изучения. Стивен Хокинг в своей книге «Краткая история времени», написанной в конце восьмидесятых, склоняется к идее божественного происхождения мира. А чуть позже, в процессе своих изысканий, всё больше и больше приходит к подобному выводу, уже прямым текстом говоря о божественной идее всего сущего в очередном своём труде – «Высший замысел. Взгляд астрофизика на сотворение мира». И представь, что это астрофизик, то есть человек, привыкший оперировать исключительно числами.

Андрей молчал. Кажется, он колебался, но при этом упорно гнал от себя любые новые идеи, не вписывающиеся в самостоятельно построенную систему мировосприятия.

– Пусть так, – согласился он, – но это ничего не доказывает. Существование Бога так и вовсе бездоказательно. Просто примите на веру, а доказательств мы вам не дадим – сотню раз слышал нечто подобное из уст служителей культа.

– Друг мой, ты религию и веру не смешивай в общую кучу, – вмешался в разговор Алексей. Он был предельно доброжелателен в этот момент, – разные вещи, в повседневной жизни нечасто встречающиеся друг с другом, чего греха таить.

– Ну хорошо, – я кивнул, – но тогда неужели ты думаешь, что всё это, – тут я опять неопределённо описал рукой круг, указывая то на людей в зале, то на каменные строения на противоположной улице, – это всё вот просто так возникло?

– Наука объяснила это. Теорией происхождения Вселенной, теорией эволюции, и ещё много чем. Да, у меня, как у скептика, есть сомнения относительно того, что мы одни в этом мире, и именно на Земле всё вот так идеально возникло, а в других местах – то жарко, то холодно, то ещё что-то, и в результате чего жизнь невозможна. Но при всём при том, научные теории кажутся вполне разумными. Пусть и с некими поправками на положение современной науки.

– И из мёртвого и холодного небесного тела под влиянием ряда факторов вдруг возникла жизнь и всё завертелось? И тут вот мы такие сидим, и пьём пиво. А вся человеческая культура, искусство, музыка, сознание, а также осознание себя людьми – это всё результат процессов, возникших в результате большого взрыва? Мы единственные существа на планете, которые

осознают себя людьми. Тигр или медведь не понимают, что они тигр или медведь. А мы понимаем, что мы люди. У нас есть эмпатия, желание творить, социальные институты. Это всё просто так? Просто электрохимические процессы в мозгу? В нашем междушном суфле?

– А ты всерьёз думаешь, что Бог взял и создал мир и Землю за неделю и вдохнул в неё жизнь? По-моему, это какая-то чушь, уже давно опровергнутая сотней различных анализов и изысканий, – ответил Андрей.

– Ты опять опираешься на Библию. Книгу с глубочайшим подтекстом и двойным дном, но при этом в своей изначальной форме поданную для неграмотных крестьян в чёрт знает какие тёмные и дремучие времена, – возразил я. – Я же не предлагаю воспринимать буквально то, что написано в книгах, к тому же переведённых с языка на язык и наоборот множество раз.

– Ну а больше опираться не на что, – ехидно ухмыльнулся Андрей, – других-то доказательств нет. И не будет, я так чую. Ну, по крайней мере, на нашем веку наука ничего подобного нам не даст – в этом я уверен абсолютно.

– Согласен, – кивнул я, – но истинно великому Богу не нужно что-то доказывать нам, мелким букашкам. Это необходимо почувствовать. И тогда всё окружающее пространство будет говорить с тобой на понятном тебе языке.

– Ну хорошо, – согласился мой собеседник, – но тогда почему разные религии говорят о разном? Как это трактовать? Буддисты верят в реинкарнацию, последователи монотеистических религий – христианства, ислама, иудаизма – в то, что жизнь даётся нам один раз, а после, в зависимости от твоих заслуг, ты попадёшь либо в рай, где вечное блаженство, либо в ад, где вечные муки. Мне чужда и та, и та идея, но всё же.

– Буддизм старше авраамических религий. И опять ты сводишь всё именно к религиозным толкованиям. Объяснение у меня одно: если ты поймешь, как устроен мир, и уяснишь для себя, что нет рая и ада в их привычном для неграмотного землепашца понимании, а есть кармический опыт и колесо Сансары, то тебе не нужны будут ни христианство, ни ислам, ни иудаизм. В этих школах, в этих социальных институтах отпадёт надобность, когда твой разум устремится из понятия «здесь и сейчас» в понятие «вечность до и вечность после». При этом же монотеистические учения – лишь катехизис для людей, их исповедующих. И если с человеком можно разрешить спорные вопросы, то религия предоставляет тебе супердоминанту – Бога, которому не предъявишь претензий. Бога, длань которого размажет тебя, словно червя, если ты уйдёшь от следования слову Его. Вспомни, сколько за последние две тысячи лет убито правителей. И сколько убито... ну тех же римских пап хотя бы, представителей Бога на Земле? То-то и оно. Религиозный страх – страх необъяснимый и подсознательный, страх перед трансцендентным и неукротимым, перед чем-то, с чем невозможно договориться, является и путеводной звездой, и карающим мечом одновременно. Проще говоря, любая церковь – инструмент контроля людей. Инструмент управления. И в то же время инструмент сдерживания, а также – первейший мотиватор для соблюдения предписаний и правил.

– Да, но буддизм в значительно более долгой истории своего присутствия и развития почему-то не прибегал к подобного рода инструментам. И самое главное – в них не нуждался.

– Другая ментальность, другие географические и климатические условия, другое всё. Где он прижился – там не прижился бы, например, ислам. Или началась повсеместная резня. А церковь... церковь имеет больше власти, чем корона. Особенно в средние века.

– Хорошо. Но в части происхождения мира – ведь наука...

– Наука притянула за уши всё то, о чём судит, исходя из уровня своего развития на день сегодняшний! – отрезал я, и мы замолчали. Где-то в углу по-прежнему играла музыка, галдели люди, каждый со своей судьбой, уникальной индивидуальностью, личной драмой и всеобщим счастьем. Несмотря на запреты и таблички на каждом столе, люди курили, и к потолку поднималось сизое марево табачного дыма. Растворённые человеческие эмоции – счастья, тоски, удовлетворения – витали в воздухе. Я изредка украдкой поглядывал на сидящих за соседними

столиками людьми, и меня наполняло чувство любви и сострадания к каждому из них. Невозможно понять личные трагедии, не пережив их на своей шкуре. Невозможно понять состояние счастья, также не пережив его в полной мере. Впрочем, моя жизнь распорядилась мною таким образом, что я успел пройти и огонь, и воду, и медные трубы. Жаль только, что радость и торжество были столь недолгими, а печаль и скорбь – затянулись на годы. Как человек, находящийся в длительном заточении тюрьмы или больницы, просовывает руку сквозь решётки, чтобы просто пощупать волю, пощупать пространство вовне – свободы, разлитой в воздухе, так и я сейчас пытался всеми силами прочувствовать окружавшее меня спокойствие и положительные эмоции во внешнем мире, который съёжился до границ этой пропахшей пивом и табаком комнаты довольно среднего типично питерского хардрок-бара с претензией.

– Знаете, – я всё же решил впустить двоих близких друзей в самую потаённую комнату, – я пережил смерть. Понимаю, Андрей, что всё, что я тебе скажу – будет бездоказательным, но ты послушай. Я видел там кое-что, пусть и небольшое, что заставило бы любого из ныне живущих пересмотреть свои взгляды на жизнь. И самое главное в этом, что очень многое там, за чертой, зависит от наших ожиданий и наших деяний в том числе. Я бы сказал сейчас про следование предназначению, слышанье голоса своей души... но это лишнее, это избыточно. Достаточно того, что я извлёк из пережитого опыта, хоть моё мнение и субъективно. Очень важную роль в посмертии играет то, что принесло туда наше сознание. Мы вхожи в вечность ценой расставания с нашим собственным «я», с нашей личностью – это понятно, я полагаю. Но то, что мы увидим за гранью, очень сильно зависит от наших воззрений в течение жизни. И знаете, я всё больше склоняюсь к мысли о том, что именно ожидания и визуализация играют решающую роль. Ты получаешь ровно тот рай или ад, ровно ту картинку, которую ждёшь, и которую мысленно представляешь себе в течение всей своей жизни. Или на смертном одре. В этом плане судьба атеиста незавидна.

– Атеист просто уйдёт во тьму? – спросил Алексей задумчиво.

– Могу ошибаться, – ответил я, – но скорее всего да. В некое подобие... бездны, где он будет ждать дальнейшего распоряжения своей судьбой со стороны небесных иерархов.

– В таком случае получается, что вера в Бога – величайший дар, преподнесённый человеку самой жизнью? – Алексей был печален, Андрей спокоен.

– Получается, что так, – согласился я. – Сознание атеиста – как пустоцвет, опадёт на землю, не дав потомства. И ляжет камнем возле ног скорбящей души, которой придётся воплощаться снова и проходить основные духовные уроки жизни.

Меня вновь начала одолевать грусть, присушая обычно людям думающим. Не меланхолическая грусть физического зрелого мужчины, прожившего половину своей жизни – и то, если повезёт, а скорее грусть от понимания недостижимости всего того, о чём так упорно думаешь, иной раз отрываясь от земли. Я отогнал от себя эти тяжёлые мысли, поймав себя на том, что мозг проводит избыточную работу. Я ведь здесь, живой, в компании друзей. В зале раздаётся громкий смех, играет хард-рок и хэви-метал, и в воздухе витает атмосфера праздника. Нет резона грустить, право.

– Вмажем? – с накатывающим весёлым задором спросил я, щёлкнув себя по шее. Жест международный, всем знакомый и встречаемый обычно с беззаботной юношеской радостью.

– Вмажем, чего ж не вмазать то? – весело согласился Андрей. – А то на какой-то минорной ноте мы встретили твой второй день рождения. Официант!

Через несколько минут нам принесли бутылку неплохого бурбона из штата Теннесси и три бокала. А также – пачку солёных орешков и вяленое мясо. Достаточный набор для троих взрослых мужчин, чтобы подкрепить дружескую беседу, словно шаманский ритуал, который в обязательном порядке необходимо завершить именно каким-либо проявлением на физическом плане, иначе колдовство не сработает.

Спустя некоторое время моё сознание начало плыть, а перед глазами картинки ходили ходуном, хотя я по-прежнему соображал, кто я, что и где. Я смотрел на своих друзей, находившихся в столь же беззаботном и радостном состоянии, и радовался вместе с ними. В какой-то момент перед глазами резкой сменой картинки возник знакомый светлый образ, тут же исчез, а над головой поплыли какие-то пятна. Это была моя новая знакомая. Мария.

– Ты пьёшь? – С укором спросила она, хотя и сама всё прекрасно знала.

– Пью. И собираюсь сегодня хорошенько так напиться, – мысленно ответил я с некоторым вызовом. Мне было наплевать на то, что она мне скажет в ответ.

– Видимо, ты не боишься смерти? – Неожиданно спросила она. Я не совсем понял, что Мария имела в виду, но это было и не столь важно.

– А смысл? В час, когда она за мной придёт, она всё равно приберёт меня к рукам, что бы я ни делал.

Мария ничего не ответила. Она исчезла и больше не проявляла себя ни образом, ни мыслью. Однако через затуманенный алкоголем разум я всё же силился понять, почему она пришла именно в этот момент, что ей было нужно, и о чём она хотела предупредить меня. «Ну и ладно, – подумал я, – обойдусь».

Мы разошлись ближе к полуночи. Я пошёл домой пешком, потому как понимал, что если сейчас же не протрезвею на холодном осеннем ветру, что приносил влагу с Финского залива, то мне будет очень плохо и ночью, и завтра днём. Прогулка обещала быть не особо долгой, я жил буквально в двадцати пяти минутах ходьбы от нашего излюбленного бара, но этого должно было хватить для того, чтобы хоть как-то вывести алкоголь из организма и протрезветь.

Я шёл по ночному городу, уже притихшему после вечернего часа пик. Знакомые улицы, знакомые старые дома, ощерившиеся беззубыми улыбками почерневших провалов окон, выстроившихся в ряд и сливавшихся с обшарпанными стенами. Узловатые руки корней немногочисленных деревьев, растущих проплешинами на каменистой поверхности северной стороны, торчали из неплодородной пересушенной земли. Далеко впереди – горбатый хребет моста, раскинувшегося через Фонтанку, а слева и справа – серые монолиты домов, пахнущих вековой пылью и плесенью.

Когда-то Пётр Великий построил этот город на месте болот Приневской низменности. Здесь уже были порядка четырёх десятков деревень, дремучих финно-угорских поселений в столь же дремучих землях, покрытых многочисленными венами рек и каналов. Эти места уже тогда, и я знал это точно, несли тяжёлый отпечаток тёмных энергий древних шаманов и капищ, посвящённых Чернобогу. Когда сюда пришли многочисленные обозы, гружёные известью, сосновыми брёвнами и камнем из Голландии, чтобы застраивать острова строениями, стоящими на тысячах свай, капища были уничтожены, а местные языческие жрецы – изгнаны со своих мест. Говорят, проклятие чухонских волхвов убило двести тысяч человек, строивших город. Правда это или нет – оставалось только гадать, но Санкт-Питер-Бурх, город Святого Петра, обустроенный на местах силы, нёс в себе очень тяжёлые отпечатки со дня своего основания. Видимо, низшие злые духи – кереметы, ву-мурты, лунги, пупыги – как бы их ни называли финно-угры в общей мифологии от Угорщины – Венгрии, до Угоры – Югры в Тюменской области, до сих пор чинили различные козни, травили воду и землю и всеми силами пытались изгнать непрощенных гостей со своих земель.

Непроглядная ночь в городе, извечно погружённом во мрак подворотен и полумрак улиц, мелко семенила за мной по пятам, обдавая своим леденящим дыханием и подгоняя меня быстрее покинуть казавшееся враждебным пространство. Наконец, я свернул во двор своего дома и, пройдя через сгустившуюся темноту, оказался возле старой скрипучей двери, ведущей в парадную. Тонким истерическим завыванием отозвались несмазанные петли, когда я открывал перекошенную дверь, и в ту же секунду я остутился, поскользнувшись на мокрой плитке. Готов поклясться, я бы не был столь неуклюж и нелеп в своих движениях, будь я трезвым.

Но сегодня я изрядно принял на грудь, что было особенно тяжело после такого длительного воздержания, причём во время приёма таблеток. Нога поехала, и я упал. Но не плашмя, как обычно падают заправские старые алкоголики – всё же мой мозжечок ещё работал как надо, а на колени. В последнюю секунду я умудрился удержать равновесие. В тот же миг в то место, где я стоял, ударило что-то тяжёлое и явно металлическое, со звоном отскочив от открываемой двери. Я сперва не понял, что это было, но тотчас резко обернулся и увидел чёрную тень, метнувшуюся в сторону. Незнакомый мне человек, по очертаниям очень похожий на таинственного незнакомца, встреченного мною ещё вечером, в несколько стремительных прыжков преодолел расстояние до арки и скрылся из моего поля зрения. Я удивлённо уставился сначала на арку, затем на то место, где мгновение назад стоял тот человек в чёрном, не понимая, что происходит. Потом прикрыл дверь, чтобы понять, что же это звякнуло прямо возле моего уха, хотя по всему судя, выходило, что это что-то летело мне или в голову, или верхнюю часть тела – туда, где находятся лёгкие. Каково же было моё удивление, когда я поднял с асфальта короткий и тяжёлый металлический предмет, очень похожий на арбалетный болт. Металл был испещрён какими-то надписями, которые я почувствовал кончиками пальцев, но не смог разглядеть. А чуть поодаль, в метре от первого болта, лежал второй, точно такой же. Его я тоже быстро поднял с земли, опасливо озираясь, и тут же юркнул в проход и закрыл за собой дверь. Когда раздался щелчок электромагнитного замка, я перевёл дух. И в ту же секунду пришло понимание очевидного: меня пытались убить.

Когда я оказался в квартире, я был уже трезв как стёклышко. Каким-то неведомым образом мозг, вогнавший меня в страх и стресс, будто расщепил оставшийся алкоголь и тут же взбудрил и мобилизовал тело и психику. В этот момент я был возбуждён, от избытка адреналина начали трястись руки. Я запер дверь в квартиру на все замки, посмотрел в дверной глазок. Никого. Скинув ботинки, я стал ходить взад-вперёд по короткому коридору и небольшой комнате, и лишь через несколько минут поймал себя на этом занятии, потому как был погружён в мысли и догадки о том, кто же хочет мне зла настолько, что готов убить. При этом в голову, конечно же, ничего путного не приходило. Хотя бы лишь потому, что тех, кто мог бы хотеть меня убить, было огромное количество. Я всё же выступал государственным обвинителем на судебных процессах не один год. Однако, как показывает практика, в тех редких случаях, когда преступник возвращается из мест лишения свободы и пытается кому-то отомстить, гнев чаще всего падает всё же на судей, реже на следователей, ведущих дело. Тем не менее, отрицать старые связи я не стал. Хотя каким-то непонятным образом чувствовал, что это вовсе не связано с моей работой. Здесь было что-то другое. Я начал лихорадочно перебирать варианты и в итоге понял, что в остальном-то и нет людей, которые желали бы мне зла до такой степени. Так вышло, что я был практически одинок со всех сторон. Нет родных, единицы друзей и знакомых, но также и нет врагов. Личных, по крайней мере. Хотя на своей службе гособвинителем я мог приобрести тайных недоброжелателей, допускаю. И этот факт не давал мне покоя. Наверяд ли кто-то стал бы так шутить или развлекаться. Впрочем, мне почему-то пришла в голову мысль, что на меня напал тот же человек, которого я встретил вечером, выходя из дома на дружескую попойку.

Ещё до того, как попасть в больницу, я тяжело переживал события, произошедшие в моей жизни, и воспоминания о роковых днях, последовательно втаптывавших меня в пучину тоски и депрессии. Весь мир стал для меня тягостным и мрачным. Когда я побывал за чертой и в процессе познания истины стал постепенно отпускать из жизни память о случившемся, малыми шажками возвращаясь в относительно ровное состояние, моё и без того обострившееся чувство начало сигнализировать мне о том, что что-то не в порядке. Те вещи, которых я ранее не замечал, постепенно стали всплывать на поверхность. Самое интересное, думал я, что на «воле» после больницы я пробыл самую малость, но уже успел почувствовать на себе,

как какие-то тяжёлые энергии давят на психику, как некомфортно находиться в этом городе. Ощущение тревожности и страха, а также ожидания какой-то большой беды, надвигавшейся на людей, буквально витало в воздухе, и я это чувствовал практически кожей. Пространство будто сгустилось вокруг до состояния киселя. Тем не менее, я не мог объяснить самому себе своих опасений, и больше как-то списывал всё на погоду, возможно магнитные бури, осеннюю хандру и растущий у населения кортизол вкупе с постоянной нехваткой витамина Д у жителей северной столицы. Мне и в голову не могло прийти, что какой-то негативный сценарий может коснуться меня лично, настолько произошедшее нынешним вечером было неожиданным и непредсказуемым.

Наконец я включил настольную лампу, уселся на стул в жилой комнате и начал изучать два металлических предмета, похожих на арбалетные болты. Впрочем, я быстро убедился, что это они и были. Достаточно оригинальный способ покончить с врагом, да и эффективный к тому же – бесшумно и почти гарантированно. Тем арбалет и хорош, что его можно купить, использовать и выбросить – контроля за оборотом подобного оружия у нас в стране не ведётся, если соблюден ряд условий по характеристикам оружия – которые, впрочем, никто особо и перепроверять не станет. Смущали только два момента в этой истории: во-первых, болтов было два. Получается, нападавший вёл огонь из двух арбалетов сразу? И второе – судя по тому, что я видел, болты были очень старыми, и представляли собой скорее антикварную ценность. Более того, каждый был покрыт какими-то надписями на языке, которого я не знал. И я решил показать их одному знакомому антиквару, а по совместительству также известному знатоку холодного и метательного оружия, с которым несколько раз встречался ранее, а познакомился через одного следователя пару лет назад. Я надеялся, что если он и не определит происхождение предметов, то хотя бы скажет, на каком языке нанесены надписи и каков примерный возраст металла.

«Ничего не понимаю... бессмыслица какая-то», – думал я, разглядывая боеприпасы к оружию несостоявшегося убийства, – «стрелять такими вещами... это ведь додуматься надо!». Я отложил болты в сторону и встал из-за стола. Голова начала болеть от пережитого стресса и подскочившего давления. Пройдя на кухню, я выпил таблетку анальгина и, быстро раздевшись, лёг спать. Сегодня был очень тяжёлый день.

Антикварный салон с достаточно неоригинальным названием «Реликвия» спрятался во дворе жилого дома в Столярном переулке, скрытый от любопытных глаз за чёрными металлическими воротами, преграждавшими проход и проезд в арку старого дома, ведущую во внутренний двор. На воротах висел домофон с небольшой табличкой, на которой были написаны названия организаций и напротив – цифровой код для вызова. Я нажал заветные цифры и стал ждать, пока мне откроют.

Чувствовал я себя неважно, поэтому мне вполне комфортно было находиться даже на прохладном ноябрьском ветру. Мне нужно было продышаться после вчерашнего. Помимо этого, спал я очень плохо, ворочался в кровати часов до четырёх утра, не в силах даже задремать. В голове роились хаотичные мысли, плыли какие-то картинки, а обезболивающее не помогало. Тем не менее, проснувшись, я взял себя в руки, кое-как умылся холодной водой и даже принял контрастный душ. Собравшись, я вышел из дома, максимально собранный и осторожный. Ещё несколько лет назад я купил на всякий случай травматический пистолет, и сунул его в кобуру скрытого ношения под одежду. Также прихватил до кучи перцовый баллончик – кто знает, как всё обернётся, и не встретится ли мне мой вчерашний незванный гость с арбалетом или кто-либо из его поделщиков. Честно говоря, мне было довольно страшно и некомфортно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.